

Великолепная книга, полная радости и надежды...
Благодаря Сафине становится понятно, почему
нас завораживают эти поразительные древние
существа и почему нам должно быть
небезразлично их будущее.

LOS ANGELES TIMES

В ПОГОНЕ ЗА ЧЕРЕПАХОЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЙ
В 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

КАРЛ САФИНА

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Карл Сафина
В погоне за черепахой.
Путешествие длиной
в 200 миллионов лет
Серия «Животные (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69464941

В погоне за черепахой: Путешествие длиной в 200 миллионов лет:

Альпина нон-фикшн; Москва; 2023

ISBN 9785002230785

Аннотация

Морские кожистые черепахи – невероятные существа, словно вышедшие из древних легенд. Их предки бороздили океаны более 200 миллионов лет назад, во времена динозавров. Они приспособились к самым неподходящим и суровым условиям и научились преодолевать гигантские расстояния от тропических областей до полярного круга, ориентируясь по внутреннему компасу и магнитному полю Земли. Они способны выдерживать более низкую температуру, чем большинство рыб, и нырять глубже, чем киты и морские котики. Но сегодня судьба этого стойкого вида во многом зависит от человека.

Только два вида кожистой черепахи дожили до плейстоцена и застали ледниковый период. И лишь один из них выжил. Так что современной кожистой черепахе удалось пережить условия, которые около миллиона лет назад уничтожили всех остальных представителей ее семейства.

Карл Сафина следует по маршрутам миграции морских черепах – от Калифорнии до Канады и самых отдаленных пляжей Папуа – Новой Гвинеи. Читая эту книгу, вы отправитесь в увлекательное путешествие по водным просторам нашей планеты, на которых разворачивается драма жизни черепах, меч-рыб, акул, китов и людей. В этом путешествии вы познакомитесь с одним из самых удивительных существ, населяющих нашу планету, а также узнаете, как меняются океаны и как это влияет на природу и человека.

Недалеко от берега, на мелководье, поблескивают спинки скатов, дозором проплывает стая длинноперых ставрид, можно различить парочку некрупных акул. Все они здесь по одной причине: детеныши черепах – прекрасный источник пищи. И когда одна из ставрид на секунду выскакивает из пенистых брызг, я понимаю, что только что прервалась короткая жизнь одной из плывущих в сторону океана малюсеньких черепашек.

Для кого

Тексты Карла Сафины можно определить в отдельный жанр – «лирический нон-фикшн», в его книгах сливаются границы между научно-популярными текстами о животном мире и необыкновенными историями, раскрывающими уникальные личности животных.

Вот чему научили нас черепахи: делай все что можешь, невзирая на то, что тебе противостоит. Хватайся за чудо жизни, не думая о том, что можешь потерпеть неудачу. Проиграешь ли, выиграешь ли, все, что ты можешь, – это стараться изо всех сил. Это все, что тебе нужно знать, чтобы жить на Земле.

Содержание

Намечая курс	11
Часть I	19
Ангелы Эдема	24
Вся тяжесть мира	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92
Комментарии	

Карл Сафина

В погоне за черепахой.

Путешествие длиной в 200 миллионов лет

Переводчик *Анна Ландихова*

Научный редактор *Игорь Данилов, канд. биол. наук*

Редактор *Олег Бочарников*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Барановская, О. Петрова, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Иллюстрация на обложке *Getty Images*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Carl Safina, 2006

© Карты. Jon Luoma, 2006

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

КАРЛ САФИНА

В ПОГОНЕ ЗА
ЧЕРЕПАХОЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЙ
В 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА
2023

Для Пакситы и Александры

Сама мысль, что земля вынашивает яйца, потрясает. Она заботится об отложенных в нее яйцах; любит их, лелеет. Стало быть, у нее есть энергия и разум: я совершенно не задумывался об этом раньше. Полагал матушку-землю чем-то неодушевленным, неорганическим. А оказывается, что черепаха, непосредственная мать, бросает свое потомство, тогда как земля и солнце продолжают заботиться о них. И пока одна черепаха уползает прочь, другая – древняя черепаха, на которой покоится мир, – берет себе всех ее детенышей. В земле нет для них ничего смертоносного, ничего губительного. Семена, брошенные в землю, прорастают. Яйца, отложенные в нее, вылупляются, как только приходит время.

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО.

Дневники, т. 7

Он не испытывал к черепахам суеверного страха, хотя и плавал с охотниками за черепахами много лет кряду. Старик жалел их, даже огромных кожистых черепах, называемых луты, длиною в целую лодку и весом в тонну.

Большинство людей бессердечно относятся к черепахам, ведь черепашье сердце бьется еще долго после того, как животное убьют и разрежут на куски. «Но ведь и у меня, – думал старик, –

такое же сердце...»
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ.
*Старик и море*¹

¹ Теплокровной кожистую черепаху можно называть лишь условно, правильнее использовать термин «мезотермия», что подразумевает способность повышать температуру тела за счет мышечной активности, крупных размеров и уменьшения теплопотерь и неспособность поддерживать конкретную температуру. – *Прим. науч. ред.*

Намечая курс

В океане царит жизнь, которую лишь мельком удастся порой увидеть воочию. То ли дело во сне. И пока перед нами проплывают наши сны, где-то в океанской глубине, скользя по волнам, ищут небесного вдохновения черепахи. Незамеченными появляются они с безмятежных берегов тропических бухт и выныривают из шипящей пены страшных водоворотов, чтобы подышать одним с нами воздухом. И с каждым глубоким выдохом они заявляют: «Жизнь продолжается». А с каждым вдохом обещают: «Жизнь будет продолжаться и впредь». Так говорят они первозданной тишине и немым звездам. В ночном мраке и при дневном свете вечно плывут черепахи, пришельцы из параллельного мира, удивительно чуждого и все же тесно переплетенного с нашим.

Повинуясь течению, дрейфуют они в бурлящих волнах прибоя; но гонит их не любовь, не тоска и не разумный расчет, а мудрость, более древняя (и потому, возможно, более надежная), чем сами мысли. В лазурных водах теплых южных лагун и в неистовом холоде изумрудного океана прокладывают себе путь эти ангелы глубин – древние, неподвластные времени прародители мира.

Кожистая черепаха, названная так потому, что ее панцирь обтянут плотной кожей, – последняя гигантская теплокров-

ная² рептилия на Земле и самое близкое к динозаврам существо, сохранившееся до наших дней³. Ее предки видели взлет и падение империи динозавров. Представьте себе черепаху весом более трехсот пятидесяти килограммов – примерно такой будет средняя самка кожистой черепахи, но есть и те, которые весят более тонны.

Чтобы как следует познакомиться с этим существом, нужно путешествовать не только в пространстве, но и во времени. Чтобы понять морских черепах и разобраться, что они значит для людей, я встречался и с теми, кто их обожествляет, и с теми, кто следит за ними со спутников, а также с теми, для кого за увлечением черепахами стоят лишь страсть и жажда наживы. В этих путешествиях я повстречал не только различных представителей животного мира, но и рыбаков, жителей деревень и ученых, которые связали свою жизнь с непростой судьбой этого вида.

И разумеется, нужно путешествовать вместе с самой кожистой черепахой. Следовать за ней – значит испытать на себе все величие и широту океана, в котором разворачивается

² Теплокровной кожистую черепаху можно называть лишь условно, правильное использовать термин «мезотермия», что подразумевает способность повышать температуру тела за счет мышечной активности, крупных размеров и уменьшения теплопотерь и неспособность поддерживать конкретную температуру. – *Прим. науч. ред.*

³ Биологически черепахи не являются самыми близкими родственниками динозавров, к которым гораздо ближе крокодилы и птицы. Птиц в настоящее время вообще относят к динозаврам. – *Прим. науч. ред.*

драма жизни морских черепах и на сцене которого акулам, китам, тунцам и меч-рыбам тоже отведены свои роли. Это значит различать в древнем шепоте веков долгую историю выживания этого удивительного существа.

Моей главной целью, как и всегда, было исследовать, как меняются океаны и как это влияет на природу и человека. Путешествуя вместе с кожистой черепахой, я пытался разобраться, в чем причина принципиального различия в жизни двух океанов^[1]. В Тихом океане количество кожистых черепах – главных героев этой книги – за последние два десятилетия сократилось на 95 %. Но что удивительно, в Атлантическом океане их популяция неуклонно восстанавливается, в некоторых случаях – в геометрической прогрессии. И сейчас многие люди бьются над тем, чтобы достичь такого же результата в Тихом океане.

Сегодня океанские просторы бороздят представители семи видов морских черепах^[2]. Вот они, от самой большой до самой маленькой: кожистая черепаха, зеленая (суповая) черепаха, логгерхед, или головастая черепаха, австралийская зеленая черепаха, бисса, оливковая черепаха и атлантическая ридлея. (Никто уже не скажет, почему ридлею называли этим загадочным именем⁴.) Эти виды встречаются в теплых и умеренных широтах по всей Земле, за исключени-

⁴ Известный защитник морских черепах Арчи Карр утверждал, что слово «ридлея» (ridley), вполне возможно, было распространенным во Флориде диалектным искажением слова riddle («загадка»). – *Прим. ред.*

ем атлантической ридлеи, которая водится только в Северной Атлантике, и австралийской зеленой черепахи, которая обитает лишь у берегов Австралии. Морские черепахи – крупные животные. Даже самые маленькие ридлеи тянут килограммов на сорок, а взрослые особи зеленой черепахи и логгерхеда могут весить около двухсот килограммов. Но главный тяжеловес, чемпион сумо среди этих рептилий, – кожистая черепаха. В среднем она в два раза тяжелее самых крупных зеленых черепах и логгерхедов, а некоторые особи – даже в пять раз^[3].

Впервые гигантская кожистая черепаха была научно описана в 1554 году в работе французского врача Гийома Ронделе «Книга о морских рыбах с подлинными их портретами и описаниями» (Guillaume Rondelet, Libri de piscibus marinis in quibus verae piscium effigies expressae sunt)^[4]. Латинское название кожистой черепахи – *Dermochelys coriacea* – означает «черепаха с кожистым панцирем⁵». Кожа у нее темная, иссиня-черная в белесую крапинку, наподобие рисунка австралийских аборигенов. На толстом, как упругий щит, панцире расположено семь продольных гребней, своей формой весьма напоминающих обтекаемые гидродинамические зубчики акульей чешуи.

И хотя панцирь – главная отличительная черта черепах

⁵ Родовой эпитет *Dermochelys* происходит от греческого слова derma (δέρμα) – «кожа» и латинского chelys – «черепаха», а видовой эпитет – от латинского coriaceus («кожный»). – Прим. науч. ред.

и все морские черепахи, кроме кожистой, живут в твердом панцире, кожистые черепахи в каком-то смысле его не имеют. Их ребра не соединяются и не срастаются, но остаются в виде открытой решетки. Вместо твердого костного карапакса⁶, покрытого роговыми щитками, ее спина представляет собой мозаичный пазл из тысячи малюсеньких косточек (величиной в пару миллиметров), со слоем жира и соединительной ткани поверх него. На брюхе находится только хрупкий удлинённый костный овал с плотной и толстой (в несколько сантиметров) соединительной тканью внутри⁷. У этой черепахи нет ни куполообразной спины, ни плоского живота. Она намного более округлая и по форме скорее напоминает бочонок. В некоторых языках она получила свое название именно из-за такой необычной формы – к примеру, на Карибских островах ее иногда называют «бочкой» или бочковидной черепахой.

Кожистая черепаха – рекордсмен по многим параметрам. Она быстрее всех растет. Она самая тяжелая из всех рептилий и самая быстрая среди водоплавающих черепах. Она наиболее широко распространена по миру и может перемещаться на невероятные расстояния. И только ее из всех пресмыкающихся можно назвать «теплокровной». Можно даже

⁶ Карапаксом называют спинной щит панциря черепах. – *Прим. науч. ред.*

⁷ Имеется в виду брюшной щит панциря – пластрон, который у кожистой черепахи сильно редуцирован, так что составляющие его палочковидные костные элементы образуют структуру в форме удлинённого овала. – *Прим. науч. ред.*

сказать, что она находится на полпути от рептилий к млекопитающим.

Территория распространения кожистой черепахи настолько обширна, что соревноваться с ней в этом могут разве что некоторые виды китов. Но если говорить о расстояниях, на которые путешествуют отдельные особи, то тут, вероятно, ни один кит не способен с ними сравняться⁸. Да и какому киту такое под силу? Ведь кожистые черепахи пересекают целые океаны, а затем еще ползут к своему гнезду по суше. К тому же ныряют они намного глубже, чем некоторые киты⁹. И ни одно наземное животное, включая человека, не может назвать своим домом и естественной средой обитания столь огромную часть планеты. Ведь черепахи заселили и тропики, и моря умеренных широт, и даже области, граничащие с Арктикой и Антарктикой. Казалось бы, при таком масштабном распространении и при всем многообразии мест, где они могут откладывать яйца, кожистые черепахи должны быть надежно застрахованы от вымирания. Но на самом деле у них тоже есть свои слабые места.

Вместе с кожистыми и другими морскими черепахами я прошел вдоль побережья Атлантического океана от Юж-

⁸ Самые длинные миграции среди всех млекопитающих совершают серые киты, которые в год проплывают до 12 000 км, тогда как кожистые черепахи в пересчете на год – 11 282,8 км. – *Прим. науч. ред.*

⁹ Кожистые черепахи могут погружаться на глубину 1200 м. – *Прим. науч. ред.*

ной Америки до канадских провинций Меритайм¹⁰. А затем и через побережье Тихого океана: от Центральной Америки на север, к Центральной Калифорнии, и на запад, к Новой Гвинее. Такой широкий ареал распространения кожистых черепах говорит о том, что еще тогда, когда главной опасностью для них были голодные динозавры¹¹, мир уже становился тесным. Но теперь, продолжая жить, как и раньше, черепахи обращаются к нам с немой просьбой и надеждой, что мы поймем, пока не стало слишком поздно, как тесно все взаимосвязано на нашей покрытой водой планете. И как это ни парадоксально, сегодня им, древним мореплавателям, хозяевам океанов, видевшим закат динозавров и восход человечества, нужны мы – представители единственного на Земле вида, который стал угрозой для собственного выживания. Только мы можем помочь им проложить путь в будущее.

По словам знаменитого поэта Билли Коллинза, поэзия должна взрывать тишину, возникать из тишины и оставлять ее за собой. Так же и морская черепаха возмущает морскую гладь, когда внезапно выныривает на поверхность и делает вдох. Мгновение – и океан вновь неподвижен. В этом поэзия

¹⁰ Провинции Меритайм включают три восточные провинции Канады – Нью-Брансуик, Новую Шотландию и Остров Принца Эдуарда. – *Прим. ред.*

¹¹ Нептичьи динозавры вымерли 65 миллионов лет назад, в конце позднего мела. Остатки современных кожистых черепах известны из голоценовых археологических стоянок возрастом 6500–4000 лет. Другие ископаемые представители семейства кожистых черепах (*Dermochelyidae*) известны из позднего мела. – *Прим. науч. ред.*

черепахи: безмолвное красноречие посреди тишины, спустя миг не оставляющее за собой ни следа.

Часть I

Атлантика

Места гнездования кожистых черепах

Ангелы Эдема

Тринидад

«Добро пожаловать в Матуру, на родину кожистых черепах», – сообщает надпись на знаке, едва различимом в ночной темноте. Выехав из сонной деревушки на северо-восточном побережье Тринидада, мы движемся по грунтовой дороге, по обеим сторонам которой – густые джунгли, чей мрак нарушают лишь искры светлячков. Машина подскакивает на ухабах, и Скотт Эккерт, человек с коротко стриженной седоватой бородой, крепче сжимает руль, вглядываясь в дорожные его сердцу места. Свет полумесяца очерчивает силуэт тропического леса на фоне неба, а выше мимо лунного серпа скользит полупрозрачная пелена облаков. Когда же внезапно лес уступает место пальмам, трепещущим на теплом ветру, шум джунглей сменяется рокотом прибоя.

За поворотом, оказавшись наконец в финальной точке нашего пути, я с удивлением обнаруживаю, что в этом богом забытом месте под навесом от дождя припаркованы школьные автобусы. Не меньше полутора сотен человек, среди них дети и подростки, приехали в эту глушь с одной лишь целью: увидеть гнездящихся морских черепах.

К Скотту тут же подходит поздороваться Абирадж Рамбаран, стройный темноглазый молодой человек двадцати пяти лет. Он один из сотрудников организации «Искатели при-

роды» (Nature seekers), которая устраивает эти выезды. Самой младшей искательнице из сегодняшней группы, Шатель, всего восемь. Из-под ее красной бейсболки торчат косички. С ней ее бабушка Савита. Мой фонарик выхватывает из прибрежной тьмы лишь густую мглу, пропитанную запахом моря. Дует порывистый ветер.

Когда Христофор Колумб прибыл на этот берег, он решил, что это и есть путь в Эдем. Свое третье плавание он посвятил Святой Троице, и когда увидел на горизонте остров Тринидад, с возвышающимися над ним тремя скалистыми вершинами, то счел это знаком свыше. Позже он писал: «Бог сделал меня посланцем новых небес и новой земли... и туда Господь указал мне путь». В заливе Пария Колумб обнаружил пресную воду. Должно быть, его переполняло ощущение чуда: острову явно покровительствовал сам Господь. Море превратилось в пресный водоем! По всей видимости, Колумб считал, что Земля имеет форму женской груди. На месте соска – Эдемский сад, из которого истекает большая река. Ни он сам, ни кто-то другой из его команды никогда не видел таких полноводных рек, как Ориноко. А обнаружив, что воды этой реки делают пресным сам океан, мореплаватель уже не сомневался, что где-то рядом раскинулись сады Эдема. Он назвал этот большой массив суши Tierra de Gracia – Земля Благодати. Мы называем его Южной Америкой. Колумб же считал его раем на земле.

Над непроглядной темнотой океана с белеющими гребня-

ми волн вспыхивают далекие молнии. Четыре человека патрулируют этот многокилометровый пляж, высматривая гнездовья кожистых черепах.

Прошлой ночью не было ни одной. При сильном ветре и прибое черепахи не осмеливаются подплывать к берегу. Кожистые черепахи довольно тяжелые, так что, когда бушуют мощные волны, они берегут себя и не приближаются к суше, боясь расшибиться. Сегодня прибой все еще довольно сильный: он с ревом накатывает на берег и разбивается пенными бурунами. Обычно черепахи появляются еще до двух часов пополудни. Уже полночь, но пока не видно ни одной.

– Сейчас появятся, – убежденно бормочет Скотт.

Начинается дождь. Я поднимаю капюшон дождевика и поворачиваюсь спиной к ветру. Ливни – еще одна причина, по которой черепахи могут не выйти на берег; им не нравится грязная пресноватая вода в устьях рек.

– Как правило, черепахи начинают выходить с началом сухого сезона. И пляж в это время обычно сильно расширяется. Но в этом году дождь льет не переставая, и все размыло. Никогда раньше не видел такой странной погоды, – говорит Абирадж.

Полоса пляжа зажата между бушующим морем, кокосовыми пальмами и густыми джунглями. Там, где прибой прижимает нас к самым деревьям, мы ждем, пока волна сойдет, и перебегаем до того, как на берег обрушивается следующая. Один удар такой волны может сбить человека с ног. Темень,

тяжелые волны прибоя. Мы осторожно идем вперед.

Из ночного мрака навстречу нам выходит волонтер-дозорный. У него хорошие новости: на дальнем конце пляжа появилась самка.

Где она, догадаться несложно: ее следы, похожие на тракторную борозду, ведут от линии прибоя на сухой песок, а затем к деревьям. Ее облик производит настолько ошеломительное впечатление, что на мгновение у меня перехватывает дыхание. Слово «черепаха» совершенно не передает того, что я чувствую, находясь перед этим гигантским черным монстром – живым напоминанием о незапамятных временах.

Ее размеры кажутся мне невероятными, просто фантастическими, но в то же время она настолько грандиозна, что не возникает никаких сомнений в факте ее существования. Ее панцирь присыпан песком, словно сахарной пудрой, поэтому она немного напоминает огромный, трехсоткилограммовый десерт: высотой мне примерно по бедра, а длиной – с человеческий рост. Вот она лежит, словно только что приземлившаяся летающая тарелка из другой галактики, – невиданное чудо, падший ангел с растопыренными гигантскими лапами-крыльями. В нее просто невозможно поверить.

Поддавшись зову материнского долга и отважившись на этот опасный путь, она очутилась в полном одиночестве здесь, на берегу, как мореплаватель, потерпевший кораблекрушение. Усилия, которые, судя по глубокой борозде, по-

надобились ей, чтобы доползти сюда, преодолевая собственный вес и силу земного притяжения, тот факт, что она осталась, выбившись из сил, да и само ее появление здесь на склоне – все это кажется бунтом против законов разума и природы.

Вскоре она выходит из оцепенения и принимается за то невероятное дело, ради которого родилась. Вытягивает передние лапы, словно крылья, вперед и вверх, сгибает их наподобие винта и запускает в песок. Теперь ее лапы взрезают землю, словно плуг. Она делает резкие выпады назад, поднимая над собой песчаные фонтаны. Так она создает углубление, расчищает место и усаживается, погружаясь все глубже во влажный песок.

Отправляясь на берег, каждая самка сталкивается с уникальным набором препятствий. Может, берег окажется слишком крутым, волна – слишком сильной, а может быть, пляж будет слишком узким. Бывает, что море выносит на берег бревна, а то и непроходимые кучи мусора. А бывает и так, что на пляже уже поджидает человек с мачете.

Я рад, что светит луна. Удивительно, но черепаха действительно полностью обтянута кожей: щитков нет ни на лапах, ни на голове, ни даже на панцире. В ней нет твердости, характерной для других черепах. Передние лапы, широкими крыльями лежащие по бокам, составляют три четверти ее собственной длины, а их размах достигает около двух с половиной метров. Задние лапы совсем другие: эти перепонча-

тые ладони нужны ей в качестве кия и весел. Мягкая кожа соединяет их с коротким хвостом в единый механизм. Если не считать продольных гребней, спина черепахи гладкая, как тугой кожаный переплет. Гребни на панцире сужаются кверху и заканчиваются острыми зубчиками, словно листья алоэ. Шея у нее массивная, голова – размером с футбольный мяч.

Я ложусь на живот, складываю руки под подбородком на песке, тихо и неподвижно лежу в темноте, будто коряга, вынесенная морем. Я сзади нее, в паре метров – и, похоже, совершенно ей не мешаю.

Она погружается все глубже, разбрасывает песок мощными гребками передних лап, осыпая меня с ног до головы, а затем задними лапами расчищает себе место. Она наклоняется, плечи ее изгибаются, и вскоре обтянутый кожей панцирь замирает совсем недалеко от меня. Остановившись, черепаха смахивает тяжелые, студенистые слезы. Она делает вдох, а затем продолжает зарываться глубже, разбрасывая вокруг песчаные комья.

В воде она стремительна и невесома. Здесь же, на берегу, она внезапно стала весить полтонны. По ее усилиям чувствуется, как непривычна ей тяжесть собственного тела. Каждые пару минут она дает себе передохнуть: делает глубокий затяжной вдох, приоткрывает рот, чтобы втянуть очередную объемную порцию воздуха. Из верхней челюсти у нее торчат

два больших и твердых «клыка»¹². Заостренный зуб, растущий из нижней, попадает как раз между ними. Когда черепаха дышит, ее панцирь вздымается; задними лапами она приподнимает себя, будто орудуя кузнечными мехами. Резкий вдох — и глухой рокочущий выдох.

Наконец, когда ей удастся как следует устроиться во влажном песке, она перестает работать передними ластами и делает передышку.

Теперь она начинает копать задними, которые удивительным образом превращаются в подобие широких лопаток. Она выгребает песок из-под себя, пока прямо под хвостом не появляется ямка сантиметров тридцать в глубину. Затем снова меняет подход. Теперь она углубляет вырытую ямку: аккуратно зачерпывает пригоршни песка и складывает рядом с собой. Причем делает она это задними ластами, складывая их так, будто это руки в кожаных рукавицах, точно и слаженно, подобно движениям слепого часовщика. Передние ласты она напрягает, чтобы удерживаться на одном месте. А задними, которые, как хобот у слона, обладают у черепах удивительной чувствительностью, продолжает мастерски орудовать.

Я подползаю ближе. Она чередует ласты: сперва зачерпывает правым, затем левым, слегка поворачиваясь всем телом,

¹² У кожистых черепах, как и у всех современных черепах, зубов нет. Здесь описываются зубоподобные выросты челюстей, покрытые роговым клювом. — *Прим. науч. ред.*

чтобы попасть прямо в ямку. Вот уже появилось углубление идеальной цилиндрической формы, на удивление округлое и глубокое. Поразительно, как деликатно касается она стенок ямы, ни разу не задев и не обрушив ее края. Кажется, человек от природы не обладает такой искусностью ни в одном деле.

К нам подходят двое «искателей». Мы шепотом обмениваемся приветствиями. По рации они передают своей группе, что тут можно увидеть черепаху. «Она вырыла гнездо, сейчас будет нести яйца. Просто вау!» И они отправляются дальше в дозор по берегу.

Наконец задний ласт уже может целиком спрятаться в вырытой яме. И снова черепаха меняет маневр: теперь она опускает ласт в яму, достает оттуда полную пригоршню песка и быстрым движением выбрасывает наружу, вперед или назад. Замысловатое движение и довольно неожиданный прием.

Она чередует ласты и глубоко хватает ртом воздух, так что затрудненное дыхание слышно даже сквозь рокот прибоя. Еще целых полчаса она без усталости копает цилиндрическую яму: опускает, достает, отбрасывает, меняет ласт, затем снова опускает, достает... Вот уже она замедляется, дает себе больше времени на отдых и дышит еще глубже.

Я слышу голоса и, обернувшись, замечаю людей, которые нашли нас в темноте по следу черепахи, тянущемуся от самой воды.

Теперь она нежно поглаживает одним ластом стенки вырытой камеры, кончиком расширяет дно так, чтобы яма приобрела форму сосуда, сужающегося кверху. Согнув свои ладони-ласты, спрятанные в кожаные рукавицы, она аккуратно и тщательно выглаживает дно то одним, то другим ластом, расширяет свою камеру для яиц. И вот, в очередной раз запустив ласт внутрь углубления, черепаха нащупывает пустоту: она больше не достает до дна и не может зачерпнуть песок. Яма настолько глубока, что моя рука вошла бы туда по плечо.

К нам присоединяется группа из двадцати человек разного возраста. Все они, во главе с восьмилетней Шантель и ее бабушкой Савитой, – тринидадцы. Все изумленно перешептываются. Шантель молча сидит на песке рядом со мной. Тем временем бабушка Савита тихонько направляет остальную толпу на место позади нас, чтобы не отвлекать гигантскую черепаху. Многие садятся. Скотт и Абирадж остаются стоять немного поодаль.

Все рассаживаются, и в темноте слышен голос мальчика лет, наверное, семи.

– Что это? – спрашивает он.

– Это черепаха, – отвечает бабушка Савита.

Пытаясь сопоставить в своем сознании знакомое слово и стоящего прямо перед ним великана, ребенок недоуменно переспрашивает:

– Черепаха?

Савита осторожно освещает тусклым фонариком хвост

рептилии. И все тут же наклоняются вперед, чтобы посмотреть на камеру для яиц.

Эти люди приехали сюда из далеких деревень от школ и церквей, некоторые даже во второй или третий раз. Они – наглядное опровержение стереотипа о том, что местным жителям развивающихся стран неинтересна природа.

Проходит, наверное, минуты две, и вот появляются долгожданные яйца. В камеру падает сразу два яйца. Я тихонько отодвигаюсь, чтоб и другие могли краешком глаза взглянуть, как гнездо заполняется яйцами. Черепаха тужится, в камеру падают сразу три яйца, и толпа ахает.

Интересно, не мешаем ли мы ей. Но люди на берегу – залог того, что никто не придет ее убить. Так устроен мир: докучливая восхищенная толпа – вот цена, которую черепаха платит за свою жизнь. До того как в 1990 году возникла организация «Искатели природы», браконьеры убивали чуть ли не половину всех черепах, которые выходили гнездиться на берег Тринидада (ради мяса или сорока литров масла, которые можно добыть из одной рептилии). За последние десять лет благодаря «Искателям природы» гнездование черепах своими глазами увидели семьдесят пять тысяч человек, и количество туристов неизменно растет. Теперь едва ли не каждый житель Тринидада знает об этих гигантских морских черепахах, которые находятся под угрозой исчезновения. Это значительно сократило браконьерство. «Искатели природы» принадлежат к главной органи-

зации по восстановлению популяции черепах в Карибском бассейне – «Сети по сохранению морских черепах большого Карибского моря» (Wider Caribbean Sea Turtle Conservation Network, WIDECAST).

Каждый раз, когда черепаха изгибает хвост, она выталкивает из себя по два, по три, а то и по четыре яйца. Они кажутся не то бумажными, не то резиновыми. Скорлупа черепаших яиц не хрупкая, как у птиц; она представляет собой нечто среднее между кожей и пергаментом. Если песок прохладный, то яйца пролежат в нем около двух месяцев, если горячий – около шести недель. За это время цепочка ДНК в оплодотворенной яйцеклетке превратит желток в морскую черепаху.

– Если вы хотите потрогать черепаху или сфотографировать ее, то сейчас самое время, – тихо говорит бабушка Савита.

Возможно, вы думали, что откладывание яиц – самый ответственный и деликатный момент в процессе гнездования. Но на самом деле кожистая черепаха сейчас будто находится в состоянии транса.

За двадцать лет, с 1980-х до начала 2000-х, мировая популяция кожистых черепах сократилась примерно на 70 %^[5]. В одном научном исследовании отмечается, что такой огромный спад произошел всего за четырнадцать лет; по приблизительным оценкам, количество взрослых самок резко сократилось со 115 000 в 1982 году до 35 000 в 1996-

м^[6]. В основном кожистые черепахи гибли, запутываясь в рыболовных снастях. Кроме того, люди откапывали их яйца ради еды и для того, чтобы продавать под видом афродизиака.

Поскольку сокращение популяции было таким стремительным, Международный союз охраны природы присвоил виду кожистых черепах статус «находящийся на грани вымирания»^[7]. Однако судьба этого вида по-разному складывается в двух океанах. Данные по главным гнездовьям морских черепах в Карибском заливе, Малайзии и Мексике, которые ученые тщательно собирали в течение нескольких десятилетий, а также с побережья Коста-Рики, которые поступали с начала 1990-х годов, говорят о следующем: количество взрослых самок в Тихом океане сократилось почти на 95 %^[8] – с 90 000 особей в 1980-х годах до менее 5000 особей к началу нового тысячелетия. В Атлантическом океане, напротив, количество кожистых черепах остается довольно стабильным, а некоторые популяции даже начинают восстанавливаться.

– В 1990-х количество черепах явно возросло по сравнению с тем, сколько их видели в 1970-х, – говорит Скотт. Ежегодно на пляжи Тринидада приплывает около шести тысяч самок, чтобы отложить яйца.

Вывод Скотта таков: «В Тринидаде популяция черепах растет, в Гайане и Суринаме – без изменений. В северной части Карибского залива и во Флориде рост стремительный».

Кожа на ее задних лапах очень мягкая; под ней сразу чувствуются длинные косточки фаланг. Голова – гладкая на ощупь. Шея и плечи – плотные, мягкие и теплые (теплее, чем песок). Если провести по ней ладонью, спина кажется твердой как камень; но достаточно слегка надавить пальцем, чтобы почувствовать над костями мягкую и податливую кожу.

Скотт рассказал мне, что эти косточки не больше трех сантиметров в диаметре и сцеплены друг с другом, как маленькие детали конструктора.

– Если на кожу надавить ладонью, то очертания этих косточек проступят на поверхности, словно пазл, который накрыли тканью, – говорит он.

Про «панцирь» кожистых черепах часто говорят, что он на ощупь резиновый, но мне он больше напоминает гладкую и плотную поверхность каремата. Царапнешь его ногтем – и пойдет кровь.

Когда около восьмидесяти яиц, каждое размером с миллиардный шар, заполняют песочное углубление, черепаха приступает к откладыванию еще пары десятков более мелких яиц. В этих странных небольших яйцах нет желтка и нет эмбриона. Их откладывают только кожистые черепахи, и функция их до сих пор неясна. Возможно, они со-

здают воздушное пространство наверху гнезда, поддерживают нужный уровень влажности или защищают от насекомых и грибка. А возможно, что детенышам, которые рождаются с длинными лапами, так будет удобнее выбираться наружу. Точно этого не знают даже эксперты.

Каждая кожистая черепаха гнездится в среднем около семи раз за сезон с интервалом в десять дней. И хотя в одном гнезде насчитывается всего каких-нибудь 65 или 85 яиц (в Тихом и Атлантическом океанах соответственно), из-за частого гнездования им удастся отложить в среднем 450–600 яиц за сезон. В этом смысле кожистая черепаха – рекордсмен. (Другие морские черепахи откладывают яйца всего два, максимум четыре раза, оставляя в каждой кладке около ста яиц.) Вполне возможно, кожистые черепахи способны давать больше потомства в год, чем прочие пресмыкающиеся или млекопитающие. Птицы не могут с ними даже конкурировать.

Кожистые черепахи, эти самые бесстрашные из рептилий, предпочитают неприступные берега. Им нравятся открытые пляжи с зернистым песком и крутыми склонами, которые омывают волны прибоя. Такие пляжи, как правило, неустойчивы, поэтому даже при благоприятных условиях гнезда черепах часто смывает водой. Видимо, именно по этой причине черепахи стараются сложить свои яйца «в разные корзины», не полагаясь на сохранность берега.

– Сегодня она откладывает яйца здесь, а в следующий раз

за два километра отсюда или за двадцать километров в той стороне, – объясняет Скотт.

Почему черепахи выбирают на такой крутой предательский берег? Может быть, они боятся застрять на мелководье во время отлива из-за своих немаленьких габаритов? Ведь здешние черепахи любят появляться на берегу вместе с приливом, когда вода ближе всего подходит к местам гнездования.

Кладка окончена, и теперь черепаха начинает закапывать яйца в песок задними лапами и присыпать их сверху. Она растопыривает ласт как лопаточку размером с теннисную ракетку и утрамбовывает песок. Она делает это с таким проворством, словно это не ласт, а рука в кожаной перчатке.

Понимает ли она, что делает? Что она испытывает, когда совершает все эти действия? Откладывает яйца, которые больше никогда не увидит, оставляет потомство, о котором почти наверняка ничего не узнает. Все эти действия она должна совершить в определенной последовательности, каждое из них должно длиться строго отведенное время и привести к совершенно определенному результату. Понимает ли она, *зачем* вообще все это нужно? Но как ей это понять? Ведь все это она делает, подчиняясь внутреннему позыву, вероятно сходному с нашими собственными желаниями и потребностями: нам ведь тоже знакомо чувство, когда нами движет не разум, а нечто другое. Я пытаюсь найти аналогии, но, кажется, в человеческой жизни нет ничего в точ-

ности похожего на то, что происходит сейчас в голове у черепахи. А если что-то и есть, то черепаха, возможно, понимает больше, чем я предполагал. Такое тоже возможно.

Теперь, закончив утрамбовывать гнездо, она внезапно делает передними лапами три мощных энергичных толчка и отбрасывает песок назад. Я за три метра чувствую ее тяжелые удары по земле. Взмахнув передними лапами, она с силой обрушивает их на берег, перемещает огромные массивы песка, замечает следы своего благородного подвига.

Затем она отдыхает. В горле ее тяжело пульсирует дыхание. Внезапно что-то привлекает взгляд Скотта, и он подходит поближе:

– Видите вот это? – Через все ее плечо к подмышечной впадине с мягкими складками кожи проходит розовая полоса. – Должно быть, здесь у нее в плече застрял крючок, и леска намоталась на ласт. Это могла быть ярусная сеть или сеть на омаров. Как бы то ни было, тут у нее типичный шрам от рыболовной лески.

Один из наших провожатых добавляет, что однажды видел черепаху, которая проглотила часть рыболовной снасти с несколькими крючками. «Она вся была опутана леской, леска зашла ей в горло, а крючки торчали из-под хвоста».

– Да уж, эти старушки многое повидали, – добавляет Скотт.

Когда он подсчитал, что ежегодно от пятисот до шестисот черепах в Тринидаде запутываются в одних только жабер-

ных сетях, он пошел разговаривать с рыбаками. Некоторых черепах удастся освободить, другие тонут. Кого-то убивают ради мяса и масла. Однажды Скотт решил проследить за девятью кожистыми черепахами. Четыре запутались в сетях, даже не успев выйти из вод Тринидада, три из них погибли.

Скотт дезинфицирует кожу черепахи в том месте, где собирается прикрепить металлическую бирку. Показывает нам, где именно:

– Ни в коем случае не на мягкую кожу в основании лапы. Чуть подальше: вот здесь. Тут бирка не поцарапает ей кожу.

П-образная скобка плотно обхватывает кончик лапы. Крепится она острым треугольным шурупом, который проходит сквозь лапу и защелкивается в специальном отверстии с другой стороны скобы.

– Когда прикрепляете бирку, обязательно убедитесь, что она смотрит острием вверх, иначе черепаха может поцарапать себе шкуру, когда вытянет лапы по швам.

Скотт крепит бирку. Металлический шуруп прокалывает лапу, и я вздрагиваю. Но черепаха не реагирует. Должно быть, я переживаю за нее больше, чем она сама: черепахи с бирками часто возвращаются на тот же берег. Конечно, это большой прогресс по сравнению с убийством черепах ради их мяса.

Пока я наблюдаю за ней и за людьми на берегу, я все время думаю о том, как по-разному может человек обращаться с животными. Мы способны на самую искреннюю доброту

и на такую же сильную жестокость. И то и другое в одинаковой степени естественно и выучено на опыте.

Она начинает ползти вперед, затем останавливается, поворачивается всем телом то в одну, то в другую сторону, разбрасывает по кругу горы песка, делает взмахи лапами, как ребенок, рисующий снежного ангела. Затем черепаха разворачивается, ползет немного вперед и снова начинает швыряться. В воздух при этом летит не только песок, но и кокосовые орехи. Мало-помалу она так запутывает следы, что уже невозможно понять, где на этом небольшом перепаханном участке пляжа находится гнездо.

Ее глотка от напряжения наливается розовым цветом.

И вот, спустя полтора часа с тех пор, как она взобралась на берег, ее движения в очередной раз меняются. Она перестает рыть песок, и становится понятно, что теперь она направляется к морю. С каждым рывком своих весел она продвигается вперед и устремляется прямоком к воде. С каждым толчком расстояние между ней и линией прибоя сокращается, пока наконец черепаху не начинают омыwać волны.

Когда она лежала в углублении, я еще не вполне осознавал ее невероятные размеры. Все знают, что у черепах плоский живот. А здесь, на ровном песке, внезапно становится видно, что она вовсе не плоская: достаточно встать с ней рядом, чтобы понять, что ее спина, словно бочка, возвышается над землей чуть ли не на метр.

Бурлящая пена смывает с нее песок, обнажая блестящую,

словно отполированный камень, поверхность спины. Внезапно черепаха превращается в грациозное темное животное, вновь обретая дерзкую свободу невесомости. Сначала волна толкает ее назад, но уже следующая нетерпеливо затягивает в воду. И черепаха исчезает.

Она пускается в обратный путь. Перед ней простираются три тысячи километров синевы, а в моей голове вертится только одна мысль: «У нее получилось. Несмотря на отсутствие разума, у нее получается совершать это уже сто миллионов лет¹³!» А я тем временем продолжаю стоять и прокручивать в голове свои хваленые мысли.

Нам сообщают, что на берегу на большом расстоянии друг от друга находятся еще три черепахи. Подойдя к первой, я сразу понимаю, что она мертва. Череп ее проломлен в нескольких местах, как будто кто-то наносил ей по голове резкие удары. Шокирующее зрелище и невыносимая вонь.

– Браконьеры, – говорит Скотт. – В дикой природе кожистым черепахам на берегу ничего не угрожает. По крайней мере сейчас, – подумав, добавляет он. – Когда-то давно их предкам, должно быть, приходилось иметь дело с тираннозаврами, скрывающимися в песчаных дюнах.

– Одна черепаха – это еще ничего, – причитает Савита с характерным тринидадским акцентом, – вот когда я была маленькой, тут творилось настоящее смертоубийство. Сей-

¹³ Примерно таков возраст древнейших известных морских черепах, тогда как кожистая черепаха появилась гораздо позже. – *Прим. науч. ред.*

час убитая черепаха – редкость. Люди стали приезжать сюда, чтобы просто посмотреть на них, на символ Тринидада.

Смутное чувство приковывает мой взгляд к черепахе, появившейся вдалеке. Она остановилась в полосе прибоя. Волна ударяет в нее и разбивается вдребезги, словно врезавшись в скалу. Эта черепаха вынырнула там, где берег очень крутой и очень узкий. Если бы она выбрала место правее или левее, то без труда миновала бы самые высокие волны. Но здесь берег зажат между морем и джунглями, так что за линией прибоя практически нет песка. Более мудрая черепаха поковыляла бы обратно в воду и вышла бы на берег в другом месте. Но эта продолжает взбираться на узкий крутой обрыв, туда, где уже начинается лес. Она поворачивается лицом к океану. Передними лапами черепаха стоит на плотном мокром песке. Своим девяностограммовым, чрезвычайно успешным мозгом она не может не понимать, что это явно не то место, где следует гнездиться. И все же она начинает делать углубление. Буквально в десяти сантиметрах от ее большой головы пенится кромка набегающей волны.

Савита упирает руки в бедра и качает головой:

– Это очень грустно. Раньше тут было еще добрых сто метров до воды. Никогда не видела такого берега. Даже не знаю, что теперь будут делать бедные черепахи. Неужели вот так все и будет продолжаться?

Берег уже потерял облик, к которому привыкли черепахи. Отчасти это можно объяснить повышением уровня мо-

ря, отчасти – погодой и лунным циклом. Каждую ночь растущая луна притягивает волны все ближе к берегу. Они плещутся уже на такой высоте, что размывают корни пальм, полощут лесную растительность, разрушают гнезда и разбрасывают по воде яйца черепах. Кое-где берег уже наклонен под углом тридцать градусов. В некоторых местах образовались уступы высотой по колено. Иными словами, это гнездо обречено на гибель.

Считается, что тут мы ничего не можем поделать. Однако из ста миллионов лет существования кожистых черепах мы изучаем их только последние лет тридцать. Все это время уровень моря повышается, а любой разговор сводится к тому, что никто никогда не видел берег таким размытым.

Волна окатывает черепаху брызгами с ног до головы, а следующая захлестывает камеру для яиц. И хотя гребни стремительно набегающих волн бьют ее в морду, она все равно начинает откладывать яйца. Невыносимо смотреть, как она бессмысленно расточает свое отчаянное стремление плодоносить в таком неподходящем месте, особенно если учесть, какое невероятное пространство ей пришлось преодолеть, сколько опасностей встретила она на своем долгом пути. Вынырни она на сорок метров левее, и все было бы в порядке. Вынырни она здесь в прошлом году, все тоже могло бы пройти благополучно.

Черепаха нравится Савите:

– У нее такая красивая расцветка. Такие пятнышки.

– Она еще маленькая, просто девочка... – замечает Скотт.

Однако эта малышка весит не меньше двухсот килограммов. Возможно, она выбралась на берег в первый раз и не смогла сориентироваться от недостатка опыта.

Мы совещаемся: Савита, Скотт и я. Конечно, мы не можем поднять это огромное создание и передвинуть в другое место. Но перенести яйца – это мы можем.

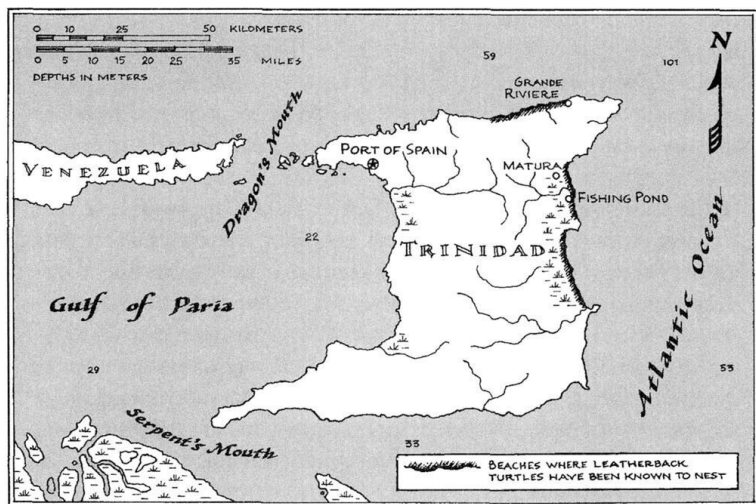
Тем временем наша бестолковая черепаха уже закончила откладывать яйца и начала их закапывать. Однако из-за того, что вода нанесла в ямку много песка, яйца оказались очень близко к поверхности, и, когда черепаха начинает утрамбовывать песок своим ластом, она тотчас разбивает яйца и пачкается в желтке. Полный бардак.

Остальные яйца из гнезда вымывает водой. Мы со Скоттом стоим с задранными футболками, пока бабушка Савита и Шантель складывают туда яйца. Мы закопаем их в безопасном месте.

Тем временем другая черепаха, которая тоже начала рыть яму в пределах досягаемости волн, все-таки одумалась и вернулась в воду, держа свои яйца при себе.

НА РАССВЕТЕ ОБЕЗЬЯНЫ-РЕВУНЫ начинают оглушительный концерт. После ночи, полной красоты и недоумений, мы в розовом свете зари покидаем берег. Я чувствую себя крайне изнуренным. Ночь ли закончилась, или начался день? Зависит от того, черепаха вы или нет, а я настолько устал, что уже не помню. Пока мы бездум-

но трясемся в машине по дороге к городу, летучие мыши, прорезавшие рассветные тени над водоемом, уступают место дневному патрулю коршунов, парящих в вышине.

Пляжи, где гнездятся кожистые черепахи

Матура (Тринидад) – население две тысячи человек – оказывается типичным тропическим городком, в котором лачуги с жестяными крышами перемежаются понурыми деревянными домишками и однообразными, вечно недостроенными модными апартаментами из бетонных блоков. Кажется, что большая – даже слишком большая – часть населения – это дети, которые снуют по улицам, словно стайки цыплят.

Абирадж любезно приглашает нас в свой дом, который неспешно достраивает. Хоть он и живет один, пустынным его жилище назвать никак нельзя. В ванной поселилась древесная лягушка; из-под высокой жестяной крыши свисает пара летучих мышей, а на шторах удобно устроился красноногий паук-птицеед размером с человеческую ладонь. На счет паука Абирадж говорит только: «Он уже два месяца бродит по дому – то на столе, то на кухне...» Никто из нас не решается выкинуть это волосатое создание на улицу: зачем портить веселье? Но даже рядом с пауком-птицеедом здесь, внутри, гораздо безопаснее, чем снаружи. К примеру, на дороге неподалеку машина раздавила ямкоголовую гадюку¹⁴, одну из самых ядовитых змей.

Большую часть дня мы спим под мерное постукивание дождя о жестяную крышу, заботливо не дающую промокнуть ни нам, ни дикой фауне, живущей в стенах этого дома.

* * *

ВЗГЛЯНИТЕ НА ЧЕРЕПАХУ. Ее фирменным знаком, конечно, является панцирь – пожалуй, самая необычная броня в истории развития жизненных форм. Спину черепахи, карапакс, обычно формируют расширенные ребра, которые срастаются с позвоночником и соединяются между собой.

¹⁴ Имеется в виду представитель рода *Bothrops* – американские копьеголовые змеи. – Прим. науч. ред.

Крупные пластины, называемые щитками, которые покрывают карапакс, состоят из кератина, так что это что-то вроде очень толстых ногтей. Брюшной щит, пластрон, формируется не из ребер, а из особых костных образований, которые бывают только у черепахах.

Черепахи – древние, но не примитивные существа. Им предшествовал длинный ряд предков-рептилий, у которых постепенно формировалось все более сильное защитное покрытие. Чтобы вырастить такой панцирь, черепахе пришлось полностью перестроить свое тело. Подобные изменения не происходят в одночасье: плечо сдвинулось внутрь под ребра, сформировался особый новый способ дыхания, ведь легкие оказались зажаты между двумя твердыми щитами. На всю эту радикальную перестройку ушло много времени, которого у черепахах было как раз в достатке.

Кости самых древних черепахах находят в слое триасового периода: их возраст составляет около 210 миллионов лет¹⁵. От кого произошли черепахи, пока неясно: ученые спорят о том, кем были их непосредственные предки, однако уже в триасе они полностью сформировались и широко распространились по планете^[9]. В те времена все было, одним словом, по-другому. Вся суша была соединена в один суперконтинент – Пангею. Приблизительно 200 миллионов лет назад,

¹⁵ Есть еще несколько более древних проблематичных форм, у которых панцирь еще не сформировался и отнесение которых к черепахам спорно. Древнейшей из них является *Eunotosaurus africanus* из средней перми Южной Африки, возрастом около 260 миллионов лет. – Прим. науч. ред.

как раз когда динозавры готовились к эре своего правления – юрскому периоду, отгремевшему лишь 145 миллионов лет назад, – появилась первая водная черепаха¹⁶.

Понятно, почему некоторые черепахи называются морскими, – это черепахи, которые живут в океане. Их конечности превратились в ласты и стали подобны крыльям или плавникам. К примеру, бугорчатая черепаха обитает в пресноводных бухтах и дельтах у южного и восточного побережий США. Вместо ласт у нее лапы, и она не относится к морским черепахам. Также существует пресноводная черепаха с ластами – и ее тоже нельзя назвать морской.

Водную стихию освоили три независимые группы черепах; одна из них – во времена юрского периода, две другие – в меловом периоде. У некоторых получилось приспособиться лучше, у других – несколько хуже. Некоторые виды морских черепах размножились, оставили в истории свой след и вымерли в процессе долгой эволюции^[10]. Вот главный мотив и предостережение, которое повторяется в этой истории раз за разом: виды, приспособленные к определенным условиям, не могут выжить, когда мир резко меняется.

¹⁶ Большинство древнейших черепах, по-видимому, были наземными, хотя некоторые исследователи приписывают водные адаптации уже поздне триасовому *Odontochelys semitestacea*. Настоящие водные черепахи, освоившие пресные водоемы, появились в средней юре, около 165 миллионов лет назад. Видимо, уже начиная с поздней юры (около 150 миллионов лет назад), черепахи освоили сначала прибрежно-морские, а затем (с раннего мела, около 140 миллионов лет назад) и морские местообитания. – *Прим. науч. ред.*

Морские черепахи, внешне напоминающие современных, впервые начали бороздить воды океана немногим больше ста миллионов лет назад. В то время еще не существовало ни Средиземного моря, ни Северной Атлантики; Индия только собиралась столкнуться с Евразией (в результате возникла гряда Гималаев); Австралия все еще была прикреплена к Антарктиде; Аравийский полуостров не успел отделиться от Африки, а Северная Америка, Гренландия и Евразия были слиты воедино. И, несмотря на голодных акул, плезиозавров, ихтиозавров и мозазавров (а отчасти благодаря тому отбору, который устраивали им хищники), океанские черепахи процветали, образовали четыре семейства и множество разных видов.

Одно из этих семейств породило архелона, самую большую черепаху, когда-либо существовавшую на Земле. Взрослая кожистая черепаха в среднем весит около четырехсот килограммов, размах лап у нее составляет около двух с половиной метров – и это совершенно невообразимое существо. Архелон же весил две тысячи семьсот килограммов, а размах лап у него достигал почти пяти метров! Все его тело в длину от носа до хвоста достигало четырех с половиной метров, а голова с острым, как у гигантского орла, клювом – около девяти сантиметров. Архелон мог бы полностью занять довольно большую комнату. Наверное, пляж под ним сотрясался, когда он выходил из воды, а копал он как паровой экскаватор.

По мнению ученых, 65 миллионов лет назад на Землю упал астероид, приземлившись в районе Мексиканского залива – там, где сейчас находится полуостров Юкатан^[11]. В результате произошла глобальная климатическая катастрофа, которая стерла с лица земли динозавров и птерозавров¹⁷, грозных океанских хищников мозазавров и плезиозавров, а также некоторых моллюсков, например спирально закрученных аммонитов (их отполированные окаменелые раковины теперь можно встретить во многих сувенирных лавках). Исчезли различные виды фитопланктона, многие млекопитающие и птицы – вероятно, вымерло около 85 % всех видов, существовавших на Земле. Морским черепахам удалось выжить. Но не без потерь: погибло семейство архелона и еще одно семейство черепах.

В итоге до наших дней дошло всего два семейства морских черепах: это несколько твердопанцирных видов из семейства Cheloniidae и всего один вид, кожистая черепаха, из семейства Dermochelyidae. Кожистые черепахи отделились от твердопанцирных очень давно, около ста миллионов лет назад. После того как вымерло семейство архелона, они разделились как минимум на шесть видов, будто занимая освободившиеся ниши.

У предков современной кожистой черепахи панцирь был более плотным и костистым, а спина – более плоской. С те-

¹⁷ Они же летающие ящеры, группа, родственная крокодилам, динозаврам и птицам. – *Прим. науч. ред.*

чением времени панцирь становился все тоньше, а косточки под кожей – все меньше и многочисленнее, а потому гибче. Но и семейство кожистых черепах, в свою очередь, тоже сократилось – вероятно, из-за конкуренции с новыми видами морских млекопитающих.

Только два вида кожистой черепахи дожили до плейстоцена и застали ледниковый период. И лишь один из них выжил. Так что современной кожистой черепахе удалось пережить условия, которые около миллиона лет назад уничтожили всех остальных представителей ее семейства. Сегодня все кожистые черепахи генетически очень близки друг другу. Возможно, когда-то они находились на расстоянии вытянутого плавника от полного исчезновения: выжила лишь одна крошечная популяция в Индийском океане, а затем это затерянное племя черепах-беженков вновь распространилось по всему миру.

* * *

ОДНО ИЗ ДОСТОИНСТВ ПЛЯЖА в том, что он всегда находится в конце дороги. Мы со Скоттом и Абираджем возвращаемся на берег за пару часов до захода солнца. При свете дня сразу становится понятно, что это вовсе не тропическая идиллия, не пляж с белоснежным песком. Это дикое место, где встречаются суша и океан, – здесь они борются, сталкиваются и спорят за первенство.

Кое-где волны до того подточили берег, что на нем образовался уступ, море вымыло из песка черепашие гнездо и разбросало яйца по пляжу. Внутри этих яиц – замершие, не успевшие развиваться эмбрионы, прошедшие лишь три четверти пути к тому, чтобы стать детенышами.

На мои вопросы по поводу дождя, эрозии и повышения уровня моря Скотт отвечает:

– Берега появляются и исчезают. Морские черепахи пережили много климатических изменений; некоторые вымерли, некоторые до сих пор живы. Если изменения будут происходить медленно, черепахи смогут перебраться куда-нибудь в другое место. Но ключевые слова здесь – «если» и «смогут», – добавляет он.

За последние сто лет средний уровень моря поднялся примерно на двадцать сантиметров. Это связано как с таянием ледников, так и с расширением океана в результате потепления. Темпы повышения уровня моря сейчас в десять раз выше, чем когда-либо за последние три тысячи лет, – иными словами, чем за всю историю цивилизации. Черепахи могут к этому приспособиться. Но смогут ли люди? И что будет с черепахами, зажатыми между разрастающимися городами, с одной стороны, и наступающими волнами – с другой?

В небе над пляжем, растянувшимся на многие километры, парят стервятники. Их привлекает запах разбросанных яиц. Но есть еще кое-что. Весь пляж усеян пальмовыми ветками, корягами и мусором. Парочка стервятников пристро-

илась к пакету с мусором: они тычут в него клювами, словно это остов мертвого животного.

– Мусора на берегу стало больше, – говорит Скотт, – не только здесь, а везде.

Я вижу несколько бутылок, кусочки пластика, часть рыболовной сети, светящиеся палочки, которыми приманивали рыбу-меч к сети с наживкой, а потом бросили. Что ж, бывает и гораздо хуже.

Абирадж говорит, что прохлада послеобеденного ливня, вероятно, побудит некоторых детенышей выползти из песка. Я с нетерпением жду появления маленьких черепашек.

Когда приходит время, детеныши начинают царапать скорлупу изнутри острым выступом на носу. Когда они вылупятся, этот «яйцевой зуб» у них отпадет, как у птиц. Братья и сестры начинают проклевываться сквозь скорлупу почти синхронно, в течение нескольких часов. Затем они день-другой отдыхают в песчаном гнезде, поглощают желток, готовятся и набираются сил. Тем временем жидкость внутри яиц высыхает и освобождает им место. В отличие от птиц, они вылупляются в кромешной темноте, среди влажного песка и копошащихся рядом братьев и сестер. Весь выводок приходит в движение. Маленькие черепахи усердно работают лапами по несколько часов подряд с небольшими перерывами на отдых. Чтобы выбраться из гнезда, может потребоваться несколько суток. От первого «проклевывания» скорлупы до появления детенышей на песке проходит

от трех до семи дней – в среднем около пяти. Те, что оказались наверху, скребут песчаную крышу, остальные прорывают ходы вслед за ними. Песок постепенно сползает вниз, а выводок вместе с дном гнезда оказывается все ближе к поверхности. Проще всего тем, кто держится рядом с другими сородичами. Отстающим иногда приходится тратить в два раза больше времени, чтобы выбраться; многие из них остаются погребенными. В тех местах, где выводок уже близок к поверхности, на песке появляются характерные воронки. Детеныши изо всех сил стремятся наверх, но жара заставляет их остановиться. Если они подобрались к поверхности дном, им приходится подождать, пока песок не остынет. Если песок прохладный, значит, наступила ночь и, стало быть, на поверхности темно и безопасно. На некоторых пляжах песок все еще горячий вплоть до десяти часов вечера.

Но прохладный дождь может обмануть черепашек. Они подумают, что уже ночь и пора отправляться в путь.

Возможно, мы уже что-то пропустили. На песке я различаю зловещие следы растопыренных лап стервятников. Разглядывая их, Скотт говорит приглушенным голосом, как бы про себя:

– Боже, что тут творилось...

Теперь парящие неподалеку стервятники предстают в новом свете.

– Видишь, они знают, – указывает на них Абирадж.

– Должно быть, сегодня они загубили немало детены-

шей, – добавляет Скотт.

Чуть дальше мы видим около полудюжины черных грифов, которые собрались вокруг воронки в песке. Появляются два детеныша, и грифы тут же их замечают.

Один хватает черепашку. Второй тоже. Раньше я всегда думал, что стервятники кормятся смертью, а не несут ее.

Размахивая руками, Абирадж бросается вперед, чтобы отогнать птиц. И они, тяжело хлопая крыльями, взлетают. Первый детеныш падает из клюва на спинку, у него разодраны шея и плечо. Он двигается, но смертельно ранен. Второй мертв. Одна за другой появляются еще пять маленьких кожистых черепах. Им повезло, что они решили это сделать, пока мы рядом и можем их защитить. Они угольно-черные, с белесыми крапинками вдоль гребней на спинке и вдоль лап, словно украшенные жемчужными нитями.

Метрах в восьмистах от нас на берег внезапно планируют семь черных грифов и парочка грифов-индеек: очевидно, там начался выпускной у очередного выводка черепах.

Мы срочно бежим по сыпучему песку к ним на помощь.

На пляже тут и там валяются детеныши черепах с откушенной головой и без передних лап, выеденные панцири, похожие на пустые кошельки.

Скотт говорит, что никогда не видел такую бойню.

– Они отрывают им головы, потрошат и выбрасывают. Так можно уничтожить весь выводок! Обычно я против того, чтобы лишать стервятников возможности немного закусить,

но это переходит все границы, — взволнованно добавляет он.

Когда мы подбегаем, стервятники уже кромсают тела детенышей, отрывают головы, чтобы залезть клювом внутрь панциря, выедают все самое лакомое. Гриф-индейка пытается съесть черепашку целиком. Проглотить ее он не может, но тут вмешивается небольшой черный гриф и отнимает добычу. Первая птица даже не пытается ответить на такую дерзость: похоже, эти стервятники уже успели как следует подкрепиться.

Подойдя ближе, мы разгребаем гнездо, но находим там всего одного выжившего детеныша. На этот раз отставание обернулось удачей. Сначала он делает несколько кругов, чтобы сориентироваться, как почтовый голубь, а затем начинает карабкаться в сторону моря.

Детеныш входит в воду решительно и смело — по крайней мере, не колеблясь и без малейшей паузы, — затем через полметра выныривает сразу за кромкой пены и поднимает голову из мутной воды. Ему придется справляться со всеми новыми опасностями одному.

В небе над пальмами виднеется патруль стервятников. Может показаться, что они просто лениво скользят по упругим воздушным потокам, но на самом деле они зорко высматривают добычу, готовые в любой момент стремительно на нее наброситься. Действие снова перемещается туда, откуда мы только что пришли: десяток стервятников кругами снижается к месту, где, очевидно, новый выводок черепах

карабкается навстречу миру, который уже готов устроить им теплую встречу.

Все стервятники вихрем слетаются к этой точке. Глядя в бинокль, я различаю малюсенькие ласты, которые исступленно взбивают песок между растопыренными когтистыми лапами и страшными склоненными головами алчущих птиц. Большинство черепах попадает в клюв, как только появляется из песка. Стервятники вереницей выстраиваются между гнездом и водой и добивают детенышей, отчаянно стремящихся к океану.

Наконец мы подбегаем, чтобы их отогнать. Они взлетают неторопливо, некоторые прихватывают с собой ужин и продолжают клевать и трепать извивающихся в когтях черепашек. Затем угрожающе приземляются всего метрах в пятнадцати от нас.

Я оправдываю свое вмешательство в природу тем, что все это неестественно. Количество кожистых черепах снизилось из-за влияния человека, а количество стервятников возросло — из-за него же. Чем больше людей, тем больше мусора и тем больше стервятников.

Но те двадцать восемь новорожденных черепашек, которым удалось выжить в первые полминуты своей жизни на поверхности, не спрашивают у меня оправданий, а смело ползут навстречу волнам, которые то подбираются к ним, то откатывают назад, подбираются и снова откатывают, будто подзывая к себе. И детеныши, переваливаясь через засох-

шие куски водорослей, бросаются по мокрому песку им навстречу.

От гнезда до воды всего каких-то двадцать метров, но детенышам не так просто их преодолеть. Я стараюсь держать их в поле зрения и не давать бдительным и настырным стервятникам подлетать.

Детеныши изо всех сил карабкаются по берегу, решительно направляясь в сторону океана. Первое побуждение черепахи, даже на песке, – это начать грести. Их передние ласты такие длинные, что с каждым рывком малыши приподнимают свое тело, как на костылях. Задними ластами они тоже отталкиваются от песка: сжимают и разводят их, продвигаясь вперед. Вздываются и опадают маленькие тельца, каждое размером с ладонь. Они волнами движутся на своих крыльях по миниатюрным холмам и долинам пляжа, как стая птиц, чей полет сводится лишь к двум измерениям.

Первый заплыв черепахи – заплыв сквозь песок – пожалуй, самый трудный в ее жизни. И в этом первом штурме все зависит скорее от удачи, чем от умения. Только появившись на свет, они тут же сталкиваются со всевозможными трудностями. Их влажные серо-голубые глаза быстро покрываются песком. Но хуже всего ямы и рытвины, оставленные большими черепахами. Часть детенышей скатывается вниз. Но затем они все равно находят верную дорогу и ползут вперед. Некоторым приходится делать крюк, чтобы миновать корягу или пальмовую ветвь. Но и тут они не сдаются.

Можно предположить, что иногда черепахи роют гнезда так близко к волнам именно для того, чтобы потомству было проще невредимым добраться к воде. Нелегкий выбор между безопасностью яиц и близостью к океану.

Одна черепашка перевернулась и, кажется, застряла. Бедняжка запуталась в небольшом мотке рыболовной лески; чем сильнее она старается освободиться, тем туже обвивают ее смертельные петли. Она даже до моря еще не дошла, а ее уже скрутила рыболовная леска, — что за мир мы построили! Стоя на коленях, я аккуратно распутываю леску. Но, выпрямившись, замечаю стервятников, которые воспользовались этой заминкой и тут же бросились на детенышей, которым, как казалось минуту назад, ничто не угрожало. Тем временем некоторые черепашки наконец добрались до океана, где грифы не представляют для них опасности. Но внезапно в трех метрах от меня, мелькнув в пенистом прибое, черный канюк выхватывает из воды шлепающего ластами начинающего пловца. С того самого момента, как будущие черепахи появляются на свет, у них нет никаких поблажек.

И снова я беру на себя роль полицейского-регулирующего для птиц и черепах: поднятой рукой сурово останавливаю стервятников и одновременно указываю черепахам направление песочного выезда на бескрайнее синее шоссе. Достигнув твердого, влажного и раскатанного волнами песка, детеныши набирают скорость, как будто уже были здесь раньше. Наплывающая волна приподнимает черепашек с песчано-

го берега, словно лопаточка для печенья. Тогда они начинают энергично грести в сторону горизонта. Прибой толкает их назад, некоторые переворачиваются. Но уже следующая волна помогает им выровняться, и, подхваченные зеленым океаном, они исчезают без следа. В уплывающих детенышах уже хорошо заметна целеустремленность, присущая взрослым самкам.

С первых секунд своей жизни они настолько хорошо ориентируются, что сам собой напрашивается вопрос: откуда детеныши знают, куда им нужно ползти? Увидеть море черепашки не могут, ведь они выныривают из гнезда в песчаном углублении. Но каким-то образом они сразу движутся к воде по прямой линии. Как?

Впереди я вижу несколько парящих на ветру пеликанов. Хорошенько разглядев их в бинокль, я начинаю понимать, что пеликаны парят не просто так, а ныряют за детенышами. Затем к ним присоединяется тройка великолепных фрегатов¹⁸. Несколько раз птицам удается кого-нибудь ухватить. Они лениво кружат над морем, то и дело снижаясь, чтобы поймать детеныша, уже наметившего путь прочь от этого опасного побережья.

Детеныши отправляются в путешествие в полной экипировке, бодрые и полные сил. Уже через несколько секунд после появления из песчаного гнезда они знают, где имен-

¹⁸ Великолепный фрегат – крупная морская птица семейства фрегатов (Fregatidae). – *Прим. ред.*

но океан, и направляются в его сторону в полной темноте. Обычно они используют визуальные подсказки (экспериментально было установлено, что детеныши не могут сориентироваться, если им надеть на голову колпачок)^[12]. Главный сигнал – яркое небо, которое, как правило, указывает путь от тенистых джунглей и песчаных дюн к океану. Чем темнее и естественнее берег, тем темнее пляж – и тем ярче звездное небо.

Почувствовав, как прибой приподнимает его лапки, детеныш начинает грести и подныривать, чтобы попасть в отхлынувшую волну и не встретиться с бурлящим пенистым прибоем. Через несколько метров он выставляет голову из воды и тотчас направляется в ту сторону, откуда движутся волны. Это и есть самый простой способ покинуть берег (в экспериментах черепашки начинали грести наобум, если в бассейне волны отключали).

Именно со спуска к воде и выхода в открытое море начинается так называемый период бешеной активности у детенышей черепах, ведь и первое и второе требует от них энергичных телодвижений. Когда сыпучий песок и пена прибоя уступают место бездонному морю, детеныш начинает грести, чтобы как можно дальше отплыть от берега. Он гребет с силой ракетного двигателя, которому надо преодолеть земное притяжение и доставить космический корабль на относительно спокойную орбиту.

Шлепая ластами во вздымающихся волнах, юные черепа-

хи плывут напрямик прочь от берега, должно быть ориентируясь по магнитному полю Земли. Даже на большом расстоянии от побережья, когда беспокойный ветер меняет направление волн, так что по ним уже невозможно определить, где суша, черепахи продолжают двигаться заданным курсом. Они придерживаются его, даже когда суша остается позади и скрывается далеко за горизонтом, словно солнце в полночь.

Период бешеной активности длится от одного до нескольких дней. Детеныши продолжают плыть в направлении от берега. Они неутомимо гребут всю ночь и весь первый день и врываются во вторую ночь. Так они спасаются от крупных популяций вечно голодных морских птиц и рыб и выбивают у судьбы еще пару очков в свою пользу.

Но вот посреди открытого синего моря «бешеный» период оканчивается, и детеныши могут передохнуть, продолжая при этом двигаться в направлении от берега. По ночам они отдыхают. Но кожистые малютки отличаются непоседливостью и полночи еще продолжают грести.

Примерно через восемьдесят часов детеныши уже растратили всю энергию от съеденного желтка. Им нужно найти еду, да так, чтобы самим при этом не стать едой. В качестве пропитания во время путешествия в ход идут личинки крабов, креветки и маленькие медузы. Черепашки плывут часами. Время от времени они отдыхают, вытянув лапы вдоль тела, чтобы не привлекать внимание хищников. Затем они

снова плывут, и плывут, и плывут – целую неделю.

Детская вселенная черепах настолько таинственна, что ученые десятилетиями называли этот период «потерянными годами». Но на самом деле потерялись ученые; черепахи же все это время были дома. Нам еще многое предстоит узнать о том, где плавают юные черепахи и сколько длится период их детства^[13]. Исследователи черепах Тихого океана ничего об этом не знают до сих пор. Стоит только маленьким черепахам оставить какие-нибудь следы, как вечно меняющееся море их стирает.

И все же мы знаем главную хитрость, которая помогает им выжить: им нужно отыскать плавучие бурые водоросли^[14]. По крайней мере, в Северной Атлантике главным центром притяжения всех детенышей является Саргассово море – медленный круговорот воды, средоточие мощных антициклонических течений океана. Как дети в сказках улетают во сне туда, где их ждут волшебные приключения, так и детеныши черепах попадают, следуя своему внутреннему компасу, в область океанских течений, которые приносят их в края, изобилующие пищей. Там они присоединяются к процветающему сообществу морских животных, которые обитают среди плавучих водорослей, прячась в листовном покрове у самой поверхности воды. Для детенышей здесь приготовлены всевозможные яства: медузы, креветки, улитки и их беспанцирные родственники – крылоногие моллюски, сальпы, черви, ракообразные, рыба икра, морские

коньки, крабы, мясистые наросты морских желудей, детеныши осьминогов, съедобная растительность, колонии гидроидных полипов и мшанок и, как это ни странно, насекомые, унесенные далеко от суши и попавшие в океан.

Большинство морских черепах так или иначе следует этому плану. К примеру, детеныши логгерхеда покидают юго-восточное побережье США и попадают в течение Гольф-стрим, которое несет их на северо-восток, к водорослевым плотам Саргассова моря. Там они медленно кружатся, пока их не сносит в сторону Азорских островов и не несет дальше, минуя Португалию, на юг – в сторону Канаров и островов Зеленого Мыса, вдоль подводного побережья Западной Африки. Немало логгерхедов, родившихся в Америке, попадает в Средиземное море^[15] – в отдельных местах они составляют половину всех логгерхедов, которые погибают от рыболовных крючков. К тому времени, как детеныши снова начинают двигаться на запад, в Северную Америку, чтобы стать полноправными охотниками на криль континентального шельфа, проходят годы, а иногда и целое десятилетие.

Черепахи биссы тоже приплывают в Саргассово море, прежде чем отправиться к коралловым рифам (точнее, к тому, что от них осталось). К ним они уплывают в довольно юном возрасте – около трех лет – и всю свою долгую оставшуюся жизнь питаются в основном губками, актиниями и морскими огурцами. Атлантическая ридлея гнездится в Мексике, но она тоже плавает там, где можно найти пла-

вучие скопления водорослей. А иногда течение выносит ее мимо Флориды в Гольфстрим. Зеленые (суповые) черепахи растут медленно и в основном питаются растениями. Однако их детеныши тоже охотятся на пелагических моллюсков и мелких медуз.

Где-то там плавают и кожистые черепахи. Где именно? Скотт Эккерт называет это «главной тайной в истории морских черепах». Все, что мы знаем, – это то, что детеныши около недели плывут прочь от берега. Затем человечество теряет их из виду; первые годы кожистой черепахи до сих пор остаются для нас абсолютной загадкой. К тому времени, как черепахи снова начинают появляться в нашем поле зрения, попадаясь в рыболовные сети, их панцири вырастают до семидесяти пяти сантиметров в длину.

Другие виды черепах тоже возвращаются к берегу, в континентальные шельфы, и переключают свое внимание на морское дно: там можно встретить морские травы, криль и крабов – кому что по вкусу. Разумеется, это еще не взрослые черепахи, но они уже переросли прибрежных хищников и могут вернуться к континентальной границе, где много пищи и где они смогут быстро набирать массу. Ветреная путешественница, кожистая черепаха никогда не оставляет привычек своей бродячей юности: не покидает открытый океан и не селится в одном месте.

Разумеется, здесь, как и везде в обширном многообразии великой природы, не все так четко и однозначно. Существует

множество исключений: иногда черепахи появляются совершенно неожиданно, возвращаются раньше, остаются дольше или путешествуют дальше, чем ожидалось. Но общая схема черепаший жизни такова: появление детенышей на берегу, детство в открытом океане, юность и взрослая жизнь в поисках пищи на дне континентальных шельфов (это касается всех, кроме оливковой и кожистой черепах) и, наконец, долгая миграция к местам гнездования каждые пару лет. Эти знания ученые добывали не одно десятилетие. Сейчас мы стоим на берегу острова под названием «Известное», и перед нами простирается то, что Исаак Ньютон назвал «великим неисследованным океаном истины».

Все ниже опускается солнце, и все длиннее становятся тени. Внезапно в волнах возле берега появляется темный силуэт. Кожистая черепаха высовывает голову из воды, и один из туристов восклицает:

– О боже!

В четырехстах метрах от нас пляж разворотила еще одна большая черепаха. Я вижу, как длинный ласт взлетает в воздух и снова падает в воду. Мне кажется, многие черепахи сейчас ждут наступления темноты.

Представьте себе, как выглядит этот последний этап долгого путешествия. Волны, которые сопровождали черепаху многие километры, теперь накатывают на мелководье, и вскоре ее поднимает гребень волны, которая разбивается о песок на линии прибоя. Отхлынувшая вода немного замед-

ляет черепаху, но она продолжает плыть, пока следующая волна не выносит ее на берег, а затем отступает, оставляя черепаху в мире, где царят трение и гравитация. Волны тянутся к ней одна за другой, и самка, пыхтя, начинает карабкаться на берег.

Вчерашний мощный прибой затих, волны улеглись, и море сегодня неподвижно и спокойно, как лунный свет. Вскоре после захода солнца нам сообщают, что дальше по берегу видели по-настоящему гигантскую черепаху. Гигантская кожистая черепаха – тут будет на что посмотреть. Уже на подходе к указанному месту я вижу толпу людей, которые тихо сгрудились вокруг самки, роющей гнездо.

Из залепленных песком черепаших глаз текут густые, желеобразные слезы. В их гигантских уголках собрался гравий.

– Видите, слезы в глазах? Но она не плачет: так она выделяет из организма избыток соли, – объясняет наш гид Марисса.

У морских черепах и птиц возле глаз расположены железы, которые фильтруют воду и выводят избыток соли, так что животные могут пить сколько угодно морской воды: это не приводит к обезвоживанию. Так они приспособились к жизни в море. Вероятно, эти железы произошли от тех же слезных желез, которые эволюционировали в другом направлении, чтобы омывать соленой жидкостью наши глаза. Почки у рыб и морских млекопитающих прекрасно справляются с солью, в отличие от наших органов; поэтому человек, зате-

рянный в открытом океане, почти наверняка умрет от жажды.

Как обычно, Марисса предупреждает, что, пока черепаха не начала откладывать яйца и не сосредоточилась на этом процессе целиком, съемка со вспышкой запрещена. Наша черепаха поднимает голову, чтобы сделать глубокий вдох, и отдыхает. Затем в гнездо начинают падать яйца.

И вот, в момент самого интимного ее контакта с землей, мы, папарацци, устраиваем канонаду фотовспышек. Фотографы подходят к черепахе с разных углов, одна местная женщина пытается заслониться от вспышек руками, и Марисса останавливает атаку.

Кое-что встревожило Скотта. У этой черепахи через весь панцирь проходит глубокая трещина – ее края можно нащупать пальцем. Она давно срослась, но, по мнению Скотта, это может быть след от мачете. Рыбаки иногда вырубают черепах из своих сетей.

И вот, когда эти животные с отметинами от лески и шрамами от мачете выходят на берег, они сталкиваются с еще большим количеством людей. Должно быть, им кажется, что этот мир переполнен людьми.

Теперь черепаха жадно глотает воздух. А люди с благими намерениями подходят поближе, чтобы потрогать ее ласты и голову. Сегодня в толпе намного больше детей; они с наслаждением глядят черепаху, касаются ее кожаной спины. Несмотря на всю бесцеремонность нашего любопытства,

дети трогают черепаху с нежностью и уважением.

Эта самка необычайно огромна. Одна лишь ладонь ее переднего лапа длиной в девяносто сантиметров и толщиной, пожалуй, сантиметров в тридцать пять. Длина панциря – 168 сантиметров. Скотт лишь однажды видел черепаху 172 сантиметра в длину, так что параметры этой близки к максимальным. Обхват – 125 сантиметров. Приблизительная масса – 500 килограммов.

– Она огромна, – произносит Скотт.

Пока черепаха наполняет гнездо яйцами и засыпает его песком, Марисса пытается зафиксировать один задний лап и прочесть, что написано на бирке. Но черепаха очень активна, поэтому Скотт помогает Мариссе удержать лап на месте. В бирке указано, что раньше рептилия гнездилась во Французской Гвиане.

Я не теряю надежды, что, пока мы, люди, толпимся вокруг этих черепах, где-то там, в темноте и уединении, откладывают яйца другие черепахи, недостижимые ни для камер, ни для любопытства и желаний людей. 99,9 % всего времени, что кожистые черепахи жили на Земле (плюс-минус), никаких людей вообще рядом не было. Но времена изменились.

Метрах в ста от нас, будто черная туча, направляется на берег темная черепаха. Патруль докладывает, что из воды вышла еще одна, а возле нее, как сообщает по радио один из «Искателей», роет гнездо третья.

– Смотри, – показывает Скотт куда-то позади меня.

В белой пене я вижу большое темное пятно: четвертая машина выходит из воды. Удивительно много черепах.

Сегодня Скотт должен поставить на черепаху спутниковый передатчик. Пока выбранная для этой цели самка откладывает яйца, Скотт готовит крепление: три лямки, которые обовьют ее тело наподобие подтяжек и огромного ремня. «Подтяжки» спрятаны в гибкие и мягкие пластиковые чехлы, чтобы черепахе не натерло плечи или шею. Сам передатчик размером где-то с мой ботинок и своей обтекаемой формой напоминает рыбу: спереди выпуклый, а сзади сужается, плоское дно плотно прилегает к изгибу панциря. Гибкое эластичное крепление покрыто противообрастающим покрытием, чтобы к нему не цеплялись морские желуди и прочая живность. Соединяется крепление металлическим кольцом, подверженным коррозии, чтобы вся эта конструкция сама собой распалась примерно через год, когда сядет батарейка передатчика.

Скотт уже отслеживал кожистых черепах из Матуры. От их путешествий просто дух захватывает: одна проплыла из Карибского бассейна мимо Большой Ньюфаундлендской банки в Канаде далее на восток, к банке Флемиш-Кап – по сути, середине Атлантического океана, – затем к Азорским островам, островам Зеленого Мыса и в Мавританию. Другая плыла против Североэкваториального течения, достигла Бискайского залива между Францией и Испанией, а потом уже отправилась мимо Западной Африки к островам

Зеленого Мыса. Тысячи километров.

Зачем странствуют кожистые черепахи? Чтобы питаться и размножаться. Вот две основные мотивации, которые есть у нас всех. Но в случае с кожистыми черепахами места, где они кормятся, и места, где они размножаются, разделены тысячами километров. Между этими остановками они голодают и сжигают накопленный жир. Либо пир, либо голод. Так по большому счету и выглядит жизнь кожистых черепах.

Все морские черепахи преодолевают большие расстояния между побережьем, где они откладывают яйца, и местом поиска пищи. Но «большие» – понятие относительное. К примеру, австралийскую зеленую можно считать домоседкой, по меркам морских черепах: всю свою жизнь она проводит у северного побережья Австралии. А вот кожистая черепаха и логгерхед преодолевают путь через весь океан, от одного материка к другому. Бывает, что сотни километров они следуют прямым курсом, даже против течения. Черепахи не сбиваются в стаи. Каждая сама ведет свой корабль, следуя уникальному маршруту.

Пока наша черепаха закапывает яйца, мы обвиваем ее ремнями и подтяжками закрепляем сверху передатчик. Все готово еще до того, как она засыпает песком камеру с яйцами. Скотт старается плотно и надежно зафиксировать ремни, но так, чтобы они не сковывали ее движений.

Голова этой черепахи особенно красива: она глубокого сине-зеленого цвета и усыпана симпатичными крапинками.

У черепахи пятнышки на спине, на лапах и на голове. Этот пуантилистический орнамент на обтянутом кожей панцире, пятнистой полоской спускающийся к хвосту, усиливает ее сходство с рисунками австралийских аборигенов, рассказывающих о Времени сновидений. На макушке на фоне темной кожи ярко выделяется необычное розовое пятнышко – отличительная черта кожистых черепах. Оно расположено как раз над самой узкой частью ее черепа; ниже находится светочувствительная шишковидная железа. Теоретически, обладая внутренним чувством времени и представлением о продолжительности дня, кожистая черепаха способна вычислить свое географическое местоположение.

Мы со Скоттом еще не закончили прилаживать ремни передатчика, а черепаха уже устремилась в сторону океана с непреклонностью и неукротимостью потока вулканической лавы. Хоть она и медленная, мы поспеваем за ней с трудом. Скотт быстро делает все, что нужно. В глаза ей ударяет свет фонарика одного из туристов, и она прикрывает веки. Когда черепаха добирается до воды, уже почти десять часов вечера.

Мы желаем ей счастливого пути.

– Так интересно посмотреть, куда она поплывет, – говорит Скотт. – Я встречал совершенно потрясающие маршруты. Одна поплыла от банки Флемиш-Кап прямо на Канарские острова. Три тысячи километров по открытому океану! Если приложить линейку к ее маршруту на карте, вы сразу поймете, что лучше и придумать было нельзя, даже исполь-

зую спутниковую связь и GPS. Я просто теряю голову, когда смотрю на путешествия, которые проделывают эти черепахи! А потом думаю: только бы им не попасть в сети у берегов Исландии или Африки.

После этих слов мир внезапно представляется мне до странности маленьким и в то же время невероятно большим, ведь на этом тропическом берегу с теплым бризом и тенистыми пальмами Исландия кажется почти что другой планетой. Она действительно далеко. Но быть кожистой черепахой – значит все время перемещаться из одного мира в другой.

Черепахи, которые гнездятся в Карибском бассейне, уплывают на восток. В северо-западной Атлантике или возле Канады не было замечено ни одной западноафриканской кожистой черепахи – они всегда уплывают на юго-запад, в сторону Аргентины и Уругвая. Ученые полагают, что тысячи черепах, пересекающих Гвинейский залив, гибнут в рыболовных сетях^[16]. Именно там чаще всего напарываются на ярусную сеть оливковые и кожистые черепахи; однажды только в одну сеть попало сразу десять особей – своеобразный рекорд. (В среднем на тысячу крючков – то есть на одно судно в день – попадает одна черепаха. Все равно это очень много.) Ярусы – это лески, растянутые на сотню километров, с которых свисают сотни или даже тысячи крючков с наживкой. Приготовление наживки, постановка ярусов и сам отлов – все это занимает около двадцати часов рабоче-

го дня. Иногда рыбаки ставят донные ярусы на некоторые виды холодноводных рыб. Но черепахам больше всего угрожают дрефтерные сети, которые много часов плещутся в теплых и умеренных морях. Их ставят на тунца, меч-рыбу, акулу, марлина и золотистого спара (также называемого дорадой). Именно с этим видом отлова связано сокращение популяций меч-рыбы, марлинов и акул, но, кроме того, в дрефтерные сети попадают и черепахи.

В линии прибоя появляется большое темное пятно, но оно слишком велико для черепахи. Мы уже начинаем обсуждать, что, возможно, это коряга, как вдруг понимаем: это *две* черепахи почти плечом к плечу выходят на берег. Скотт говорит, что ни разу такого не видел.

Справа на расстоянии около сорока метров от нас, пошатываясь, выходит на берег еще одна самка. А слева, почти на таком же расстоянии, – две другие. Целых пять черепах в пределах девяноста метров! Теперь на пляже достаточно черепах, чтоб занять всех туристов, так что другие животные могут гнездиться в полном уединении.

– Все еще не могу в это поверить, – говорит Скотт, – похоже, что усилия, вложенные в пляжи для гнездования, себя оправдали.

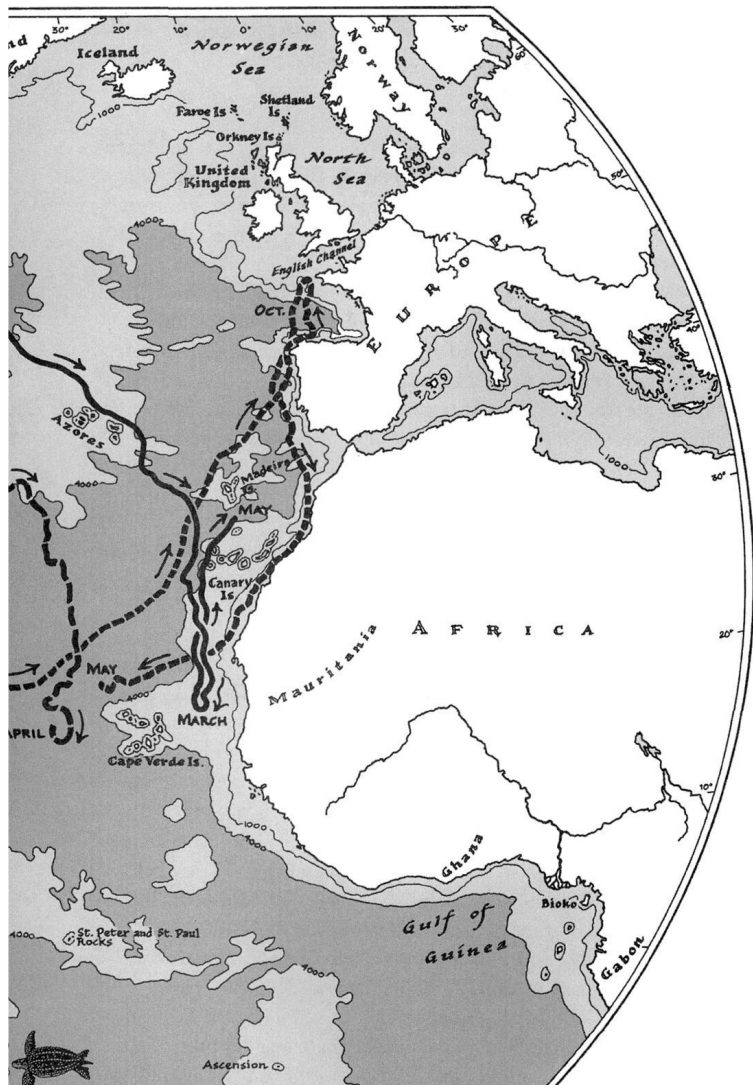
Он вспоминает, что в 1980-х положение черепах Атлантического бассейна выглядело довольно плачевно:

– Теперь мы уже можем надеяться, что морских черепах удастся спасти. Все меняется. Черепахи – живучие существа.

Если выяснить, что им угрожает, попытаться это изменить и заниматься этим на протяжении двадцати лет, то остальную часть работы черепахи сделают сами. У них все получается. Так было с атлантической ридлеей и зеленой гавайской черепахой. Похоже, что и у атлантической кожистой черепахи все получилось. Это вселяет надежду на то, что и тихоокеанская справится.

Внезапно из гнезда неподалеку от нас выбирается целая толпа черепах-малышей – сразу несколько десятков, словно муравьи из старого бревна, но это не муравьи, а вымиравшие детеныши динозавров. Они быстро понимают, где океан, и начинают суетливо карабкаться в его сторону, на этот раз под покровом ночи и в отсутствие птиц. И хотя некоторые запинаются, теперь все они своими силами легко доберутся к морю. В этом коротком забеге до океана детеныши-самцы последний раз бегут по твердой земле. А вот самкам, если только им посчастливится выжить, еще предстоит выйти на берег, чтобы произвести на свет новое поколение детенышей.

Метрах в пятнадцати из воды показывается еще одна черепаха, в то время как предыдущая закончила свое дело и начала спускаться. Два пыхтящих чудовища проходят настолько близко друг от друга, что им обоим приходится слегка изменить траекторию, чтобы избежать лобового столкновения на низкой скорости. При свете луны я вижу, как вдали еще одна черепаха разбрасывает песок.

Действительно необыкновенная ночь: представительницы древнего рода одна за другой выползают из угольно-черного океана, словно из тени былых времен.

Люди понемногу уходят с пляжа, и я наблюдаю за оставшимся древним чудовищем, сидя на коряге в полном одиночестве. Этот миг пропитан волшебством: мне нравится взгляд черепахи, ее тяжесть, то, как она роет гнездо, как пропахивают песок ее передние ласты, как она поднимает голову, как пульсирует ее горло, как лунный свет сверкает в ее слезах и на пятнистой коже. Я наслаждаюсь темнотой побережья, силуэтом джунглей на фоне бегущих облаков, мерцанием звезд и искрами светлячков в лесных тенях. Наслаждаюсь гребнями лениво накатывающих волн, которые тут же с гулким ревом пятятся назад. Не то чтобы с миром было все в порядке – вовсе нет. До этого еще далеко. Но прямо сейчас мне хорошо. Черепахам не исправить этот мир, но они помогают мне ненадолго забыть о его бедах и насладиться чудом.

Перед самым рассветом мои мысли уносятся куда-то вдаль, вслед родившимся сегодня и спустившимся в воду маленьким черепахам, которые отринули наш суетный мир и вверили свое будущее бескрайнему океану. У них не было выбора. Все было против них: даже добраться до моря было для них целым подвигом, и они его совершили. Но это лишь первое препятствие. Куда они плывут в этом темном океане, в этих глубинных течениях бытия? Где они окажутся, когда взойдет заря их первого дня? А через год? Сколько из них доживет до своего первого дня рождения? Сколько доживет до пятидесяти лет? Мы не знаем ответов даже на эти элементарные вопросы.

Возможно, дети из «Искателей природы» будут первыми, кто снова увидит этих детенышей. Перед ними появится огромная черепаха весом с полтонны: она вылезет на тот самый берег, с которого отправилась в океан, у того самого места, где родилась. А может, первыми ее увидят рыбаки.

Мы не знаем будущего, и поэтому в нас тлеет надежда, что судьба будет к ним благосклонна. Стоя среди этой оравы неуклюжих рептилий, я понимаю, что, в сущности, они уже победили, что жизнь торжествует, что черепахи возрождаются, потому что ценности человечества изменились, – каким бы редким и невероятным ни было это событие. Каждую ночь все продолжает меняться к лучшему, и масса черепах на этом берегу тому доказательство.

Ко мне подходит Скотт и, прервав мои мечтания, сообща-

ет, что нам пора отправляться в путь. Он выглядит счастливым, ведь только что он видел, как на берег плечом к плечу вышло еще несколько пар черепах. По пути мы наблюдаем, как из воды выбирается еще одна темная фигура, и Скотт убирает коряги с ее пути.

– Давай просто сядем и посмотрим на эту черепаху. Не так уж часто мне выпадает такая возможность, – говорит он.

Проходит еще некоторое время, и мы покидаем берег с его размеренным прибоем, чтобы отправиться в сторону дороги к заре цивилизации.

Вся тяжесть мира

Колыбель цивилизации построена на могилах черепах. Люди почитали и уничтожали черепах, начиная с первобытных времен и заканчивая сегодняшним днем. На то у них были совершенно разные причины: от полностью утилитарных (съесть черепаху, использовать ее панцирь) до глубоко мистических^[17]. Около шестидесяти тысяч лет назад люди, живущие в Южной Африке, выбрасывали кости черепах в мусор. Кости находят в мусорных кучах племен, которые семь тысяч лет назад обитали на берегах Персидского залива, а также многих других^[18]. Существуют документальные свидетельства, ясно указывающие на то, что древние обитатели Аравийского полуострова, а также Ближнего Востока и Китая торговали черепашими панцирями и мясом. В захоронениях Омана панцири черепах встречаются чаще, чем останки других животных. Захоронения с черепашими останками были обнаружены и в Таиланде. Кости в таких захоронениях говорят о высоком социальном статусе покойного. Позднее изображениями черепах украшали стены месопотамских дворцов и цилиндрические печати. В VIII веке до нашей эры в городе Эгина были отчеканены первые греческие монеты в честь богини плотской любви и красоты – Афродиты. (Нам в США достаются только мертвые политики.) На одной стороне греческих монет было изображе-

но священное животное богини – морская черепаха. Две тысячи лет назад самым распространенным товаром в регионе Индийского океана был панцирь биссы – возможно, древнейший предмет роскоши на планете и главный двигатель международной торговли тех времен. Две тысячи лет назад панцирь биссы продавали даже в самой глубине американских материков – там, где сегодня расположены штаты Огайо и Индиана.

Изображения черепах, а также сказания и мифы о черепахах встречаются по всему миру^[19]. Иногда это поучительные истории – например, вот эта басня с островов Палау^[20]. Однажды рыбак заметил большую черепаху, это была бисса – настоящая находка! Он в спешке нырнул и не поставил на якорь свое каноэ. После ожесточенной борьбы он наконец вытащил черепаху на поверхность, но каноэ унесло течением далеко в сторону. Тогда он отпустил черепаху и отправился в погоню за каноэ, однако не смог его догнать. Пристыженный и обессиленный, он вернулся в деревню вплавь – без черепахи и без каноэ. Мораль такова: тот, кто берется сразу за несколько дел, не справится ни с одним.

Изображения черепах встречаются в изделиях, вырезанных из камня, петроглифах, керамике и рисунках на пергаменте. Больше всего их в Центральной Америке. Среди всех изображений черепах и отсылок в мифах и искусстве особенно выделяется образ бога гор, грома и подземного мира, в которого верило племя майя. Этого бога изображали

одетым в черепаший панцирь, точно так же, как бога Йауи, в которого верили миштеки и сапотеки – индейские племена, жившие на территории современной Мексики. Похоже, древние майя представляли Землю в виде круглой черепахи, которая плавает на поверхности моря.

Люди многих культур верили, что наш мир покоится на спине черепахи – животного, которое будто создано самой природой для несения тяжестей. Мир держится на спине гигантской черепахи – в это верят многие народы Индии, Китая, Японии и Северной Америки. В некоторых культурах считается, что черепаха и сама участвовала в сотворении мира. В индуизме огромная черепаха тащит на себе всю нашу вселенную, и каждые 4,23 миллиарда лет, когда Вишну превращается в черепаху, мир создается заново. Прочно закрепленный в пространстве силой своей всемогущей воли, черепаха Вишну несет на своей спине космическую гору, с помощью которой боги и демоны перемешивают мир, чтобы заново его сотворить. Черепаха как аватара Вишну – краеугольный камень всего творения. На спине у нее стоит слон, на котором, в свою очередь, покоится наш мир.

Существо, похожее на кожистую черепаху, около 200 года н. э. впервые описал римский историк Клавдий Элиан, и по его путаному рассказу можно судить о том, каким волшебным и полным чудес казался мир путешественникам того времени, а также всем, кто слушал все эти рассказы о далеких странствиях.

«А еще в Красном море водится обезьяна – точно не рыба, а хрящеватый зверь без чешуи... Все остальное его тело покрыто оболочкой, такой же, как у черепахи... Тело у него такое же широкое, как у ската, и подобно оно птице, раскрывшей свои крылья. Плавает он – будто летает... и весь покрыт пятнышками».

Плиний Старший, что для него характерно, вносит еще больше путаницы в легенды о черепахах^[21]. Этот историк, пожалуй, заслуживает забвения: чуть ли не в каждом его утверждении есть ошибки. Впрочем, это весьма забавное и интересное чтение, к тому же всегда полезно вспомнить, с какой уверенностью можно порой утверждать откровенную чушь (утверждаю это с полной уверенностью). Плиний пишет, что в Индийском океане водятся черепахи такой величины, что из их панцирей можно строить жилища, и что люди в Красном море плавают на лодках из панцирей черепах^[22]. Из его трудов мы узнаём, как используют мясо черепах местные жители: оказывается, будучи смешанным с мясом лягушек, оно отлично помогает от укусов саламандр. Кровью черепах можно лечить плешивость и всякого рода язвы на голове. Болят уши? Тогда смешайте черепашийю кровь с женским молоком. Добавьте в нее муку и уксус – и получите средство от эпилепсии. Если полоскать рот кровью черепах в течение года, то избавитесь от зубной боли. Одышка? Снова поможет черепашийю кровь. Рези в животе? Этого вам лучше не знать. Соберите кровь черепахи в гли-

няный горшок, который ранее не использовался: ею вы можете лечить опоясывающий лишай, бородавки и рожистые воспаления (сильную сыпь бактериального характера с лихорадкой и рвотой, ту самую, которую называли антоновым огнем). Теперь давайте перейдем к черепаший желчи: она поможет улучшить зрение, избавиться от шрамов, смягчить боль в миндалинах, справиться с любыми болячками во рту (особенно с болезненными нарывами) и в мужской половой системе, а также вылечить ангину. Нагноение в ушах? Если вы были внимательны, то, вероятно, уже сообразили, что нужно просто смешать желчь черепахи с уксусом и добавить змеиный выползок. Или же, если хотите, можно для начала долго варить черепаху в вине, а затем вместо желчи использовать готовый бульон. Если у вас проблемы с глазами, смешайте желчь черепахи с медом и намажьте этим глаза. Если нужно покрасить волосы, используйте желчь черепахи, смешанную с женским молоком. Я уже писал, что желчь отлично помогает от досаждающих саламандр? Что-то не так с ногами? Возьмите порошок из панциря черепахи, смешайте с жиром, вином и растительным маслом – отличное средство от нарывов и мозолей! Чрезмерный пыл римских уха-жеров умирится очень просто: поскребите панцирь черепахи и подсыпьте порошок им в напиток^[23]. (Упс! А что, если черепаха на самом деле – афродизиак?)

Черепахи-спасительницы, черепахи, которые волшебным образом превращаются в людей, и люди, которые превраща-

ются в черепаках, – эти мифологические мотивы весьма распространены в Тихоокеанском регионе. Японские рыбаки, которые работали на Гавайских островах в конце XIX века, выцарапывали на панцирях черепах иероглифы в надежде, что животное однажды поможет им добраться до суши, если они потеряются в открытом море^[24].

У жителей из таких далеких друг от друга мест, как Мексика, острова Фиджи и Новая Гвинея, существуют обряды призывания черепах – для охоты и для поклонения. Туземцы Тихоокеанских островов полагали, что черепахи священны, даже божественны, что они обладают магической силой и необыкновенным умом. Забой черепах, раздачу мяса и саму трапезу сопровождали многочисленные церемонии и табу. Часто это было прерогативой высокопоставленных членов общины. Человека, который не поделился мясом черепахи, могли приговорить к изгнанию или смерти. Не далее как в 1974 году на островах Палау существовал закон: если убитую черепаху не приносили вождям, чтобы те честно разделили ее мясо, это влекло за собой полный запрет на употребление морской пищи и других даров океана^[25]. Это наказание распространялось даже на государственных служащих США, сотрудников «Корпуса мира», а также иезуитских миссионеров. А прочих представителей власти просили на время не вмешиваться.

Через две недели после китайского Нового года деревенские жители островов Пэнху (Пескадорских островов) при-

носят своим храмовым божествам священные образы черепахи, чтобы те даровали им мир, удачу и процветание^[26]. В течение трех дней в храмах круглосуточно толпятся прихожане с подношениями: молят о благосклонности богов, просят у них совета или благодарят за оказанные милости. Самые распространенные подношения – рисовые лепешки в виде черепах. Некоторые оставляют золото или груды монеток, сложенных в виде черепашки. Также популярен обряд сжигания денег. Многие жители побережья Тайваня до сих пор поклоняются богине Мацзу – покровительнице рыбаков, мореплавателей и всех, кто живет возле моря. 13 августа 1999 года в гонконгском издании газеты *Associated Press* была опубликована такая заметка:

Уполномоченными органами была освобождена черепаха, представительница вымирающего вида, из-за которой тысячи паломников стекались к плавучему храму Тин Хау. На прошлой неделе власти конфисковали из храма, расположенного на рыбацкой лодке, зеленую черепаху. Ей поклонялись, приписывая ей магические и защитные свойства. Прихожане Тин Хау, которые поклоняются богине моря Мацзу, обвинили правительство в бесчувственности. «Они оскорбили мою веру», – говорит Яу Люн, хозяин плавучего храма на специально оборудованной лодке в зоне защиты от тайфунов. Четыре года назад рыбаки поймали маленькую черепаху и решили ее вырастить. Вскоре они заметили, что черепаха обладает волшебной

силой, и принесли ее в храм. «Перед тайфуном или непогодой, – говорит Яу Люн, – черепаха начинает яростно бить лапами по воде, окатывая водой всех вокруг. Она как будто предупреждает, что не следует выходить в море. Черепаха принадлежит храму Тин Хау, она была дана нам для защиты»^[27].

Но, несмотря на тысячелетия торговли и поклонения, мы по-прежнему удивительно мало знаем о морских черепахах. Даже базовые факты об этих животных, их поведении и местах гнездования до недавнего времени были предметом споров, а некоторые детали не выяснены до сих пор. Еще в 1959 году кожистую черепаху, замеченную на острове Соэй, возле острова Скай в Шотландии, называли морским чудовищем не только в газетах, но и в научной литературе^[28]. Вот что записано со слов одного из потрясенных свидетелей: «Мы остолбенели и наблюдали, как оно подплывало все ближе и ближе... словно ужасное чудовище из доисторических времен». Воображение художника, автора иллюстрации в газете, представило «чудовище» в виде морской змеи (кого же еще?), хотя оба свидетеля довольно точно описывают вынырнувшую из воды кожистую черепаху. В более трезвом описании второго свидетеля есть одно тонкое наблюдение: «Когда открылся рот... я увидел, что с нёба свисают наросты наподобие усиков». Теперь мы знаем, что эти наросты нужны черепахе, чтобы удерживать медуз. Никто в тот момент не сказал: «О, это большая черепаха – долж-

но быть, кожистая!» Потому что за пределами тропического пояса люди все еще удивительно мало знают о морских черепахах. До 1960–1970-х годов ученым не было известно ни одного крупного региона гнездования кожистых черепах. До 1960-х годов никто не имел представления, что от температуры во время инкубации зависит пол их детенышей. Только в 1970-х годах ученые обнаружили, что черепахи мигрируют^[29]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Войти в тему морских черепах вам помогут два прекрасных источника: Spotila J. R. *Sea Turtles*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2005 (отсюда я почерпнул много информации об основных тенденциях развития популяций, угрозах и много других полезных фактов и статистики); Gulko D., Eckert K. *Sea Turtles: An Ecological Guide*. Honolulu: Mutual, 2004.

2.

Общая информация обо всех морских черепахах: Orenstein R. *Turtles, Tortoises, and Terrapins: Survivors in Armor*. Buffalo, NY: Firefly Books, 2001.

3.

Еще немного технической информации и обзоры, написанные несколькими авторами: Lutz P. L., Musick J. A., eds. *The Biology of Sea Turtles*. Boca Raton: CRC Press, 1996.

4.

С научным описанием кожистой черепахи, составленным Ронделе в 1554 году, можно ознакомиться в прекрасно переведенной книге с иллюстрациями в виде гравюр: Rhodin A. G. J. *Books on Marine Fish, in which True Figures of the Fish are Presented* // *Chelonian Conservation and Biology* 2: 287–

302, 1996.

5.

Негативные влияния человеческой деятельности на черепах исследовали Люткавидж, Плоткин, Уизерингтон и Лутц. См. начиная со с. 387 здесь: Lutz P. L., Musick J. A., eds. *The Biology of Sea Turtles*. Boca Raton: CRC Press, 1996.

6.

Чтобы оценить состояние кожистых черепах, ознакомьтесь с результатами семинара 2005 года здесь: <http://www.cccturtle.org/leatherbacks/>

7.

Состояние кожистых черепах хорошо описано в статье: Dutton P., et al. Status and Genetic Structure of Nesting Stocks of Leatherback Turtles (*Dermochelys coriacea*) in the Western Pacific // *Chelonian Conservation and Biology*, Jan. 2009.

8.

Приблизительная оценка тихоокеанской популяции в Мексике в 1981 году: Pritchard P. C. H. Nesting of the Leatherback Turtle in Pacific Mexico, with a New Estimate of World Population Status // *Copeia* 4: 741–747, 1982.

9.

Откуда произошли черепахи: Lee M. The Turtle's Long-Lost Relatives // Natural History. June, pp. 63–66, 1994.

10.

О вымирании и эволюции кожистых черепах см.: Dutton P., et al. Global Phylogeography of the Leatherback Turtle // Journal of Zoology, London. 248: 397–407, 1999.

11.

Общие сведения о массовом вымирании, случившемся 65 миллионов лет назад: http://en.wikipedia.org/wiki/Cretaceous-Tertiary_extinction_event

12.

Об ориентации черепах в общих чертах см. в этом отчете: Lohmann et al. Lutz P. L. Musick J., eds. The Biology of Sea Turtles. Boca Raton: CRC Press, 1996. P. 107.

13.

Мусик и Лутц описывают жизнь молодняка начиная со с. 137: Lutz P., Musick J., eds. The Biology of Sea Turtles. Boca Raton: CRC Press, 1996.

14.

Где обитают юные черепахи: Eckert S. Distribution of Juvenile Leatherback Sea Turtle *Dermochelys coriacea* Sightings //

15.

Американские логгерхеды в Средиземном море: Laurent L., et al. Molecular Resolution of Marine Turtle Stock Composition in Fishery Bycatch: A Case Study in the Mediterranean // Molecular Ecology 7: 1529–1542, 1998.

16.

Об уровне прилова черепах в Гвинейском заливе: Carranza A., Domingo A., Estrades A. Pelagic Longlines: A Threat to Sea Turtles in the Equatorial Eastern Atlantic?

17.

О том, как древние люди использовали черепах, Фрейзер начиная со с. 1 в: Lutz P., Musick A., Wyneken J., eds. The Biology of Sea Turtles, Volume II. Boca Raton: CRC Press, 2003.

18.

См.: http://oshadavidson.com/Turtle_Culture.pdf.

19.

Также Фрейзер о культурном значении черепах: www.ioseaturtles.org/MeetingSS3/MT_IO3_DOC08-3_Trad_use.pdf.

20.

Легенда острова Палау: Richardson J. Sea Turtles in Folklore: The Turtle of Medatum-loket // Marine Turtle Newsletter, 1993. P. 62: 25–26.

21.

Плиний и перевод Клавдия Элиана по: Rhodin A. Books on Marine Fish, in which True Figures of the Fish are Presented // Chelonian Conservation and Biology, 1996. P. 2: 287–302.

22.

Также цитаты из Плиния и отсылки к мифологии взяты из: Minton S., Minton M. Legendary Turtles // Giant Reptiles. New York: Charles Scribner's Sons, 1973. Ch. 9.

23.

Первоисточники: Aelianus C. [ca. A.D. 200]. De Natura Animalium. 3 vols. Trans. Sholfield A. Loeb Classical Library. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1958–1959.

24.

Представления о том, что если выгравировать на спине черепахи иероглифы, то она принесет спасение: Collins J. Commercial Fisheries of the Hawaiian Islands: Report

of Commissioner of Fish and Fisheries, 1900 // U. S. Fish Commission, Washington, DC: Government Printing Office, 1901. P. 393.

25.

Табу на острове Палау: Johannes R. Review of Information on the Subsistence Use of Green and Hawksbill Sea Turtles of Islands Under United States Jurisdiction in the Western Pacific Ocean // Administrative Report SWR-862. Honolulu: Southwest Fisheries Science Center, National Marine Fisheries Service, NOAA. February, 1986. P. 18–19.

26.

Жертвоприношения после китайского Нового года: Balazs G., I-Junn Cheng, Hui-Chen Wang. Turtle Sacrifice to the Temple Gods in the Penghu Islands of Taiwan // Proceedings of the Nineteenth Annual Symposium on Sea Turtle Biology and Conservation, March 2–6, 1999, South Padre Island, Texas.

27.

Еще: Washington, DC: U. S. Department of Commerce, NOAA Technical Memo. NMFS-SEFSC-443. P. 98–110.
Фото: www.balazs.itgo.

28.

О кожистой черепахе как о морском чудовище: Brongersman

L. The Soay Beast // *Beaufortia*, 1968, 15: 33–46.

29.

Первые открытия миграций: Pritchard P. International migrations of South American sea turtles // *Animal Behavior*, 1973, 21: 18–27.